

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат инкогнито

Адвокатский детектив

Наталья Борохова
Адвокат инкогнито

«ЭКСМО»

2010

Борохова Н. Е.

Адвокат инкогнито / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2010 — (Адвокатский детектив)

У адвоката Елизаветы Дубровской никогда раньше не было такого необычного клиента! Известный ученый, уважаемый профессор университета Аркадий Соболев обвиняется в... изнасиловании и попытке убийства лаборантки! Но ведь он верен своей жене Виктории, у них двое очаровательных детишек и вообще просто идеальная семья... Что же тогда случилось после празднования дня рождения супруги, когда та улетела в срочную командировку, а Аркадий остался в банкетном зале наедине с Софьей Кисловой? Наутро он проснулся один в гостиничном номере, абсолютно ничего не помня о вчерашнем вечере... Начав знакомиться с материалами дела, Елизавета сразу заподозрила, что в показаниях жертвы есть какой-то подвох!

© Борохова Н. Е., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Борохова

Адвокат инкогнито

Глава 1

Замечательный все-таки возраст для женщины – тридцать семь лет! Ушла в прошлое угловатая девичья неловкость, исчезли глупые комплексы, перестала лосниться кожа на лбу. Фигура приобрела волнующие изгибы, а походка – четкость и уверенность.

Каждый, кто имел счастье взглянуть сегодня на именинницу, Викторию Соболеву, мог в этом удостовериться на все сто процентов. А уж если бы стороннему наблюдателю удалось ознакомиться со страницей ежедневника молодой дамы и списком дел, намеченных именно на день ее тридцать седьмой годовщины, восхищению его не было бы предела. В самом деле, какие там парикмахеры и визажисты! День молодого доктора исторических наук, известного политолога и успешной телеведущей был расписан до предела. Судите сами...

«Вторник. Четырнадцатое октября.

6.30 – пробежка в Центральном парке.

8.30 – подготовка к эфиру на канале «Только для женщин».

9.30 – утренний эфир «С добрым утром, женщины!».

11.00 – лекция в университете.

13.30 – обед с журналистом «Семейной панорамы».

15.00 – собрание Клуба успешных женщин. Праздничный коктейль.

18.00 – поздравление детей.

19.00 – банкет по случаю юбилея.

23.00 – отъезд на международный симпозиум в Прагу».

Сказать по правде, Виктория не любила вставать рано, но многолетняя привычка подниматься чуть свет сделала свое дело. Теперь она почти не страдала, услышав требовательный трезвон будильника. Ее муж, профессор социологии, только привычно ворчал, переворачиваясь на другой бок. Он-то предпочитал досматривать последние утренние сны, а не мерить кроссовками извилистые дорожки Центрального парка, тем более мозглой и слякотной осенью, когда воздух насквозь пронизан влагой, а за шиворот то и дело попадают капли морозящего нудного дождя.

Потягиваясь, Виктория вышла в залу и радостно замерла, увидев на столе огромный роскошный букет с привязанным к нему воздушным шаром. «Мы любим тебя!» – пестрели яркие буквы, вырезанные из цветной бумаги и в спешном порядке наклеенные скотчем на стену. Должно быть, сюрприз готовился тогда, когда она легла в постель, наивно полагая, что ее домашние, муж и дети, видят уже первый сон. Какие они все-таки молодцы!

Скрепив копну каштановых волос резинкой и все еще улыбаясь, Виктория бесшумно выскользнула из квартиры. На улице ее окружила предрассветная синева. Сразу стало зябко. Свет от фонарей казался неестественно белесым и даже каким-то фантастическим в пелене тумана, окутавшего холодную после ночи землю. Как всегда, в это неуютное, угрюмое время Викторию охватывала какая-то щемящая тоска – не то тревога или дурное предчувствие, не то странная грусть по тому, что давно и безвозвратно ушло. Тоска была необъяснимая, поскольку в жизни Виктории Соболевой все складывалось весьма успешно, и жалеть ей было равным счетом нечего и некого.

Стараясь не поддаваться унынию, именинница потрусилась по дорожке, вон со двора их образцово-показательного элитного дома, через улицу, к чугунным воротам Центрального

парка. Там ее уже дожидалась Валентина, старинная подруга, одноклассница и коллега, которая всегда с охотой разделяла ее утренние пробежки.

– Привет, Вика!

– Привет, Валька! Ну что, побежали?

– Айда!

И обе женщины, проделав в качестве разминки несколько простых упражнений, сорвались с места, а вскоре их тени уже слились с плохо освещенной дорожкой Центрального парка...

Виктория бежала, соблюдая рекомендуемые правила, – следила за дыханием, стараясь дышать через нос, ритмично переставляла ноги, чувствуя во всем своем теле необычайную легкость и стремительность. Валька же заменяла ей радио. Та двигалась тяжело, с одышкой, ни на миг не прекращая говорить. Хватая ртом холодный воздух, она задыхалась и иногда даже закашливалась. Поэтому фразы получались у нее неясные, отрывочные, такие же взбалмошные, как она сама.

– ... Витька вчера ночевать не пришел. Прикинь, позвонил в одиннадцать вечера и сказал, что останется ночевать у друга... Ох-х! Знаю я этих друзей... Вчера взяла в стирку его брюки, а в кармане оказался... Нет, ты не представляешь что!

«Раз, два! Раз, два!» – продолжала считать про себя выдохи-вдохи Виктория, но для того, чтобы хоть как-нибудь поддержать подругу, все-таки выдохнула:

– Презерватив?

Витька был семнадцатилетним сыном Вальки, и Виктория ничуть не удивилась бы наличию в его кармане известного резинового изделия. Странно, что для самой мамы его появление стало таким потрясением. Валька воспитывала отпрыска без отца, и мальчик большую часть времени был предоставлен сам себе.

– Все-то ты знаешь! – с обидой заметила Валька. – А для меня эта штука... как гром среди ясного неба...

«Бедняжка, как всегда, сбивчиво выражает мысли», – подумала Виктория, которая всегда испытывала к подруге легкое чувство жалости или даже презрения, которое часто возникает у людей успешных и деловитых по отношению к их невезучим знакомым.

– Дождется, балбес! – продолжала стенать Валька. – Вышибут его из универа, как пить дать. Завалит сессию, а тогда дорога куда? Понятно, в армию! Ой, беда, беда...

Виктория тем временем остановилась около турника. Сделала несколько энергичных взмахов руками, словно пловчиха, разрезающая водную гладь, затем, поставив ногу на нижнюю перекладину, принялась тянуть мышцы ног. Запыхавшаяся Валька плюхнулась на скамейку рядом и, ни на секунду не замолкая, продолжала тянуть рассказ про зимнюю сессию и весенний призыв.

– Ну, брось же, Валечка! – не выдержала наконец Соболева. – Не так страшен черт, как его малюют. Твоему Витьке армия пойдет только на пользу. Во всяком случае, он окрепнет морально и физически, поймет, что за место в университете надо держаться зубами.

– Легко тебе говорить! – опять обиделась Валька. – Твой-то Петька, поди, в пехоту не загремит. Он за бугор решил махнуть, да?

Виктория вздохнула.

– Во-первых, Петру сейчас только четырнадцать лет. Во-вторых, он стремится не «за бугор», как ты выразилась, а в Оксфордский университет. Почувствуй разницу! К тому же он не таскается по улице, а занимается с репетиторами, улучшает свой английский.

– Нам бы ваши проблемы... – опустила голову Валька. – Кстати, я совсем забыла!

Она полезла в карман лияных спортивных брюк и выудила оттуда продолговатую коробочку.

– Извини, заболталась. У тебя же сегодня день рождения, – сказала она, протягивая вещьцу подруге. – Не взыщи. Подарок, как всегда, очень скромный.

В коробочке лежала ручка. Не «Паркер», конечно, с золотым пером, но вполне пристойная принадлежность, которую не стыдно выложить на рабочий стол. Для Вальки, экономящей на всем, что только возможно, такая трата явно пробила брешь в семейном бюджете.

– Ну зачем же, Валечка! – снисходительно улыбнулась Виктория. – Мне достаточно было твоего поздравления.

– Ладно, ладно. Мы тоже не нищие, – пробормотала Валентина.

Они легкой трусцой направились к выходу. Валька, как всегда, болтая сверх меры, а Виктория – тщательно следя за дыханием. Одна из них делала вид, что забыла пригласить подругу на банкет сегодняшним вечером, вторая великодушно не напоминала об этом, свято веря в то, что бывшая одноклассница просто очень забывчива...

Визажист, а он же и парикмахер, Алессандро, молодой человек со щеголеватой стрижкой, всегда гримировал дикторов и ведущих передач перед их выходом в эфир. Это была натура творческая, непостоянная, склонная к экзальтации.

– Виктория, душечка! – щебетал он, укладывая ей волосы на косой пробор. – Выглядишь отпадно! Ну просто блеск! Эх, если бы я был свободен... Я бы... ух! Жаль, что мое сердце занято.

Виктория улыбнулась краешками губ, прекрасно зная, что парень говорит чистую правду. Его сердце было пленено навеки, но не роковой красавицей, а симпатичным белокурым диджеем из ночного клуба. Алессандро тайны из своей ориентации не делал, и все дамы телеканала «Только для женщин» были в курсе его любовных переживаний.

– Вика, солнышко, посмотри вниз, я нанесу тени на веки. – Он орудовал кисточкой, продолжая восхищаться красотой своей клиентки. – Подай в суд на чертовых журналистов, они что-то перепутали с твоим возрастом. Я не могу произнести вслух, что они там понаписали!

– Эх, Алессандро, – нарочито вздохнула Соболева. – Мне на самом деле сегодня исполняется тридцать семь лет. Это не шутка.

– Нет, шутка! Не может быть тридцать семь лет женщине, у которой такая кожа... такая фигура... и такие чудные волосы. Подай в суд, я тебе говорю...

Вика только посмеялась. Ее, как и любую женщину, радовали комплименты по поводу ее внешности, но, глядя в зеркало, она могла, не покривив душой, сказать, что Алессандро абсолютно прав. И в самом деле, ее кожа оставалась молодой и упругой, как у юной девушки. Прекрасные глаза, немного удлиненные к вискам, были выразительны и зелены, как майская листва. Каштановые волосы не нуждались в начесе, распущенные по плечам, они ниспадали красивой волной. Именинница была стройна, но отнюдь не тоща, со стоячей полной грудью и красиво очерченными бедрами. Короче говоря, лучшей кандидатуры на роль ведущей передачи «С добрым утром, женщины!» не сыскать.

Вначале, получив подобное предложение, Виктория была немного обескуражена. Что она могла предложить скучающим домохозяйкам и молодым женщинам, суетливо собирающимся на работу? Лекции по истории Древнего Востока?

– Нет, конечно же, не это! – заламывал руки режиссер. – От вас мы ждем совсем другого!

– Чего же? – спрашивала Соболева, сидя над горой зачеток.

– Вы – женщина новой формации, – заливался соловьем мужчина. – Доктор наук, известный политолог. Словом, публичная персона. У вас есть семья, дети. Вы будете давать советы нашим женщинам!

– Все-таки я не понимаю, – упрямо трясла головой Виктория. – Мне кажется, вам нужно взять на роль ведущей молодую, симпатичную женщину, умеющую хорошо говорить, и не ломать себе голову.

– Кто будет слушать просто молодую и симпатичную женщину?! – изумился режиссер. – Вы еще посоветуйте нам взять какую-нибудь модель с ногами-ходулями и силиконом вместо мозгов...

– По-моему, отличная мысль. Для многих наших женщин карьера модели – вершина благополучия. В то время как я...

– А вы – олицетворение успеха и семейного счастья. Чего еще может желать женщина? Вы – не синий чулок, а роскошная особа с целым букетом достоинств...

Скажите, кто может устоять против таких комплиментов? Не устояла и Виктория Соболева. Так все и началось...

На фоне лимонно-желтых стен со стеллажами и картинами, имитирующими домашнюю обстановку, Виктория смотрелась, как экзотическая птичка, случайно запорхнувшая в студию. Но передача пользовалась успехом, и теперь три раза в неделю, сидя перед камерами, Соболева разбирала зрительскую почту. Ее удивляло, как много молодых и уже зрелых женщин писали на телевидение с просьбой разрешить ту или иную личную проблему. Ох уж эти их: «Как вернуть его?» или «Он ушел к другой. Не знаю, как теперь жить»... Сама бы Виктория, сложись у нее жизнь неверно и кособоко, вряд ли бы стала просить совета у посторонней женщины.

«Скрепи зубы и иди к своей цели, – напутствовала ее когда-то мать. – В жизни можно рассчитывать только на саму себя. Не раскисай!»

Вот и сегодня. «Я узнала, что муж мне изменяет», – писала сорокалетняя телезрительница, судя по неровным строчкам и отдельным белесым пятнам, размывшим чернила, несчастная неврастеничка. «Найми хорошего психолога и перестань ныть!» – хотелось сказать Виктории, но зрители ждали от нее сочувствия.

– Дорогая Надя! – говорила она, стараясь вложить в свой голос максимум душевной теплоты. – В вашей жизни наступил нелегкий период. Вы должны понять и принять, что муж – не ваша собственность, а живой человек с собственными чувствами, устремлениями. Постарайтесь успокоиться и взглянуть на ваши отношения как бы со стороны. Все ли в них было хорошо? Все ли радовало вас? Понимаю, это нелегко, но иногда стоит отпустить мужа на все четыре стороны и начать жизнь с чистого листа...

Через тридцать минут все было кончено. Облегченно вздохнув, Виктория покинула диванчик ведущей под демонстративные аплодисменты присутствующих.

– Все, как всегда, великолепно, – проговорил режиссер.

Только молоденькая девушка, подвизавшаяся на студии кем-то вроде помощника костюмера, нерешительно обратилась к Соболевой:

– Виктория Павловна, а если бы вас так... Я хотела спросить, если бы вас бросил муж, вы бы тоже так легко его отпустили?

Вопрос был настолько неуместным, что работники телевизионной бригады застыли на месте.

– Глупышка, разве таких женщин бросают? – усмехнулся оператор, а Виктория только снисходительно улыбнулась.

– Нет, конечно, милая. Я бы попробовала за него побороться, – сказала она и, довольная собой, двинулась за съемочной группой.

«Абсурд какой-то! – думала Соболева, и странная улыбка блуждала на ее лице. – Конечно, в жизни никто ни от чего не застрахован, но мне почему-то эта ситуация кажется нелепой. Надо будет рассказать Аркадию...»

Журналистка из «Семейной панорамы» была молода и настойчива.

– Виктория Павловна, говорят, чтобы достичь чего-то в жизни, изначально нужно испытать вкус лишений. Было ли ваше детство тяжелым? Закалило ли оно вас, настроило на победы?

Виктория усмехнулась.

– Я знаю, вы, журналисты, любите сказку о Золушке, о бедной девушке, спавшей на золе, а потом ставшей принцессой. Ну, или притчу о мальчишке-босяке, который, повзрослев, превратился в миллионера. Разочарую вас. Эти истории не про меня. Мои родители – известные ученые, и я с детства росла в атмосфере тепла, доброты и достатка.

– Но ведь, как говорится, природа на детях отдыхает? – настырно вопрошала журналистка.

– Дорогая моя! Никогда не мыслите штампами, – улыбнулась Соболева. – Жизнь намного интереснее и многообразнее выдуманных людьми правил. Главное – верно определить цель. Ну и приложить определенные усилия. У вас все получится. Обещаю!

Тон ее был таким убедительным, что журналистка, отложив ручку и блокнот, слушала ее, подперев ладонью щеку.

«Все это так, – думала про себя Соболева. – Человек – творец своей судьбы. Но почему тогда среди людей так много неудачников?»

Собрание Клуба успешных женщин сегодня приурочили ко дню рождения президента, то бишь Виктории Соболевой. Несмотря на то, что мероприятие обозначалось как коктейль, приглашенные дамы были одеты по-деловому: в классические костюмы или строгие брюки с блузками. Их можно простить за подобную вольность, ведь все они представляли собой цвет деловой элиты крупного города и улучили заветные полчаса из своего плотного рабочего графика для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение имениннице. Целый день, курсируя между стройками, банками, судами и офисами, они были слишком загружены для того, чтобы подумать о подходящем туалете. Кроме того, в этом был определенный шик, замечательная фишка – в пику пустоголовым светским красавицам бросить вызов, пренебречь обычными правилами тусовки. Здесь кичились не размерами бюста и не суммой, хранящейся на банковском счету богатого любовника или супруга. Здесь брались в зачет личные заслуги: титулы и звания, служебное положение, годовой оборот собственного предприятия, признание в России и за рубежом.

В зале, элегантно украшенном живыми цветами, с бокалами в руках перемещались известные бизнес-леди: президенты банков и корпораций, управляющие первоклассных отелей и спортивных клубов, выдающиеся ученые и журналисты. Единственная дама в длинном до пола платье, выделявшемся из однообразной серо-коричневой гаммы деловых костюмов, была известной оперной дивой, заскочившей сюда по дороге в аэропорт – певица улетала в Вену.

Улыбки, дружеские пожатия рук, легкие поцелуи, непринужденный смех... Все представительницы женского клуба были чрезвычайно любезны и предупредительны. Но каждый, кто сталкивался с ними по служебной необходимости, знал, что все это не более чем афиша, яркая обертка, за которой скрывалась не сладкая конфета, а... гранит. За милой улыбкой дамы прятали острые зубы и готовы были пустить их в ход каждый раз, когда дело касалось собственных интересов. «Аквариум с пираньями» – так образно назвал их деловую тусовку один весьма юркий журналист.

– Предлагаю тост за именинницу! – подняла бокал статная дама в сером костюме с отливом. – Долгих ей лет и процветания.

– Как это мило, дорогая Рената! – произнесла Виктория.

И женщины поцеловались, громко чмокнув воздух возле щек. Но ни одну, ни другую не смутило подобное лицемерие. Рената давно метила в кресло президента и была немало раздосадована, когда оно уплыло мимо ее носа. Она ворочала финансами одного крупного банка, имея в подчинении более двух сотен мужчин, и искренне полагала, что владеет миром. Виктория со своими современными течениями в политологии была от нее так же далека, как Земля от Марса. Но Рената была одинока, что, как ни верти, не укладывалось в концепцию Клуба

успешных женщин. На этом вираже ее и обошла Виктория, счастливая профессорская жена и мать двоих чудесных детей.

«Ничего, дорогая, – думала про себя Рената, источая сладкую улыбку, – ничто не вечно под луной. В один прекрасный день твоя жизнь даст трещину, и я буду первой, кто вобьет в нее клин»...

Детки появились ровно в шесть часов вечера, как и было задумано по расписанию. Маша и Петя знали, что мать сверх всякой меры пунктуальна и опаздывать к ней навстречу чревато неприятностями. Разумеется, они могли поздравить родительницу и дома, но в сегодняшний суматошный день в ежедневнике Виктории зияла единственная брешь – с восемнадцати до девятнадцати часов. На банкет их не брали, руководствуясь этическими соображениями. Поздним же вечером именинница уезжала в Прагу.

Похоже, дети давно смирились с ритмом жизни матери и ничуть не роптали, когда она, строго по ежедневнику, сверяла с ними результаты необходимых мероприятий по их обучению, воспитанию и досугу. Вот и сегодня, наскоро перецеловав отпрысков, она приняла из их рук небольшие подарки и, поблагодарив улыбкой и еще одним поцелуем, раскрыла ежедневник.

– Так, что тут у нас... – Мать наскоро просмотрела свои записи. – Петр, как успехи с английским?

– Нормально, – прогудел подросток, уставив взор в потолок.

– Ольга Карловна сказала, что у тебя опять проблемы с временами. Мне что, добавить еще один час в неделю?

– Не надо, мам, – испугался парень. – Я исправлюсь. Да и куда добавлять-то? Два раза в неделю – англичанка. Два раза – математик. Еще два – теннис. Плюс занятия в историческом кружке.

– Мне кажется, запас еще есть, – глубокомысленно изрекла мать. – Ну, ладно. Пожалуй, повременим. Дальше... Визит к стоматологу... Мария, все сделано?

– Да, – кивнула головой девушка, специально обнажив затянутые в брекеты зубы. – Теперь я выгляжу, как страшилище из сказки.

– Не болтай ерунды! Станешь красавицей одним годом позже, вот и вся недолга.

– Но мам... У меня же выпускной класс! Я что, в таком виде буду на праздничном балу?

– Я бы на твоём месте думала о поступлении в институт. Как, кстати, твоя новая биологичка?

– Нормально.

– Значит, никуда не годится. Она должна драть с тебя семь шкур. Найдем другую. – Виктория сделала пометку в своей книжечке.

– А как же осенние каникулы? Мы куда-нибудь поедим?

– Подумайте и пришлите мне свои письменные предложения по факсу, – машинально ответила она. Но тут же спохватилась: – Ах да, по какому факсу... Скажете мне по телефону.

Мать обвела прямоугольником дни школьных каникул и нарисовала стрелочку с размашистой надписью «организовать через Васильеву». Аккуратно поставив точку, посмотрела на детей:

– К моему приезду из Праги подготовьте краткий отчет по каждому пройденному предмету. А сейчас ступайте, дорогие мои. Я вас люблю.

– Мы тебя тоже любим, мама, – нестройными голосами ответили дети.

– Главное, чтобы вы гордились мной, а я гордилась вами, – улыбнулась она. – Можете быть свободны...

На банкете по случаю дня рождения Виктории гостей собралось с избытком. Здесь были коллеги именинницы, несколько известных бизнес-персон, друзья семьи и, конечно, близкие

и родные. Родители Вики, убеленные сединами профессора Андриевские, чинно сидели на самом почетном месте и принимали поздравления от именитых гостей. Они были чрезвычайно горды и довольны, ведь их жизнь удалась. Яркое доказательство тому – их собственная дочь, красавица в серебристом струящемся платье, принимающая посетителей, как королева поданных.

Виктория и впрямь была хороша. На лице ее не было заметно и слабого намека на усталость и напряжение. Она словно только что покинула кресло салона красоты и блистала теперь безупречной прической и свежим макияжем. Модное платье, приобретенное по случаю в Лондоне, открывало взору одно оголенное плечо. Кожа цвета слоновой кости матово светилась при несколько приглушенном освещении банкетного зала. Она стояла рука об руку с супругом, высоким, прекрасно сложенным брюнетом, и принимала поздравления гостей.

– Аркадий, тебе ужасно повезло! – басил ректор университета, пожимая руку супругу именинницы. – Не женщина – жар-птица. Как, черт побери, тебе удалось ее отыскать? Ей в министерство – прямая дорога. Нет, определенно тебе повезло, брат!

– Я сама ему часто говорю то же самое, – улыбнулась Виктория, тихонько сжимая локоть спутника жизни.

– Вы чудесная пара! Просто загляденье! – вторила мужу ректорша, цепким взглядом охватывая Соболевых. – Счастья и любви вам!

– У нас все это уже есть, – улыбался Аркадий. – Но мы, пожалуй, не откажемся добавить пару кирпичиков счастья в фундамент нашего дома.

– Ах ты душка! – грозила пальчиком пожилая женщина.

– Господа Андриевские, поделитесь секретом, как вырастить чудесную дочь да еще умудриться найти ей замечательного мужа?

Родители Виктории только улыбнулись. У них были собственно семейные секреты.

Все шло своим чередом. До отлета в Прагу оставалось еще четыре часа...

Уже позже, сидя в кресле самолета, Виктория тихонько улыбалась, убаюканная мерным звуком двигателей. Воспоминания накатывали на нее, как волны, укрывая с головой, а потом резко отступали. Она, выплывая из небытия, сразу не понимала, что происходит, и видела улыбочное лицо бортпроводницы, предлагающей воду или сок. Соболева только качала головой и опять закрывала глаза.

Теперь она слышала плеск ручья и видела дорожку, поросшую лопухами, по которой когда-то носила полные лейки воды. Солнце потоками света заливало дачные участки горожан, и вокруг стояла пронзительная тишина, как бывает обычно в жаркий летний полдень, когда птицы и люди ищут укрытия в тени...

Дорога убежала вдаль, и внезапно налетевший откуда-то ветер приносил с собой трель школьного звонка. Трепетали на сквозняке тетрадные страницы, слышался строгий голос математички и стук мела по доске. Перед глазами красными каракулями плясала свежая запись в дневнике: «На уроке алгебры разговаривала с соседом»...

Последний звонок нес за собой какую-то неясную печаль, и дело было вовсе не в прощании со школой. Из безликого марева воспоминаний внезапно возникал чей-то образ. Сначала он был еле различим, словно Виктория видела его через полупрозрачное стекло. Черты лица расплывались, не желая соединяться воедино. Вот появились чьи-то знакомые до боли серые глаза. Они смотрели на нее в упор, словно желая получить ответ на какой-то очень важный вопрос. Над губой топорщились первые усики, а голос звучал немного резко: «Ты всегда делаешь то, что велит мама?» Серебристым переливом звучал ответ: «Нет, но родители хотят мне добра». А затем новый чуть резкий вопрос: «А как же любовь?» – «Какая любовь? – следовал вдруг гневный окрик. – Где твой здравый смысл? Он же не нашего круга! Ты что, желаешь всю жизнь считать копейки? А как же твои способности? Как твои мечты?»

Воспоминания стали вдруг холодными, словно подул резкий ветер, и течение переменяло свое направление. «Репортер в заводской малотиражке. Вот умора!» Нет, ей было неуютно здесь. Она бессознательно стремилась на свет, в тепло, где звучали негромкие голоса... «Сын известного глазного хирурга Соболева. Говорят, вопрос о строительстве медицинского центра, который он возглавит, уже решен». Светлая челка и серые глаза растворились во мраке времени. Вместо них возник другой, хорошо знакомый образ. «Станете ли вы моей женой?» – «А что, невесту называют на «вы»?» – «Но мы ведь недавно познакомились. Говорят, мы будем отличной парой».

Конец. В ушах гремел марш Мендельсона. Цветы, улыбки. Море лиц, из которого белесым пятном выделялось чье-то напряженное, бледное, с плотно сжатыми губами. «Горько!» – истошно заорали гости, и все затянулось непроницаемой розовой пеленой.

«Как все-таки хорошо слушать родителей!» – подумала Виктория, качаясь на безмятежных волнах своей памяти...

Глава 2

Гости разошлись ближе к полуночи. Некоторые из них так и не заметили английского исчезновения именинницы. Зал пустел. Собственно говоря, и самому Аркадию Александровичу впору было откланяться, тем более что завтра у него напряженный день: шесть часов лекций, заседание кафедры и собрание научного кружка. Дома его дожидалась стопка непросмотренных дипломных работ и проект статьи, которую спешно нужно сдать в научный журнал. Кроме того, после отъезда жены все контрольные функции по отношению к детям перешли к нему. Маша и Петя находились в том возрасте, когда за ними нужен глаз да глаз.

Все это Аркадий Александрович, сидя за опустошенным столом в банкетном зале, прекрасно понимал, только ленивая истома, навеянная не то хмелем, не то беспричинной грустью, вдруг овладела им. Ему не хотелось домой, туда, где уже давно, должно быть, спят дети и его дожидается пустая холодная постель. Ему не хотелось оставаться и здесь, среди пустых бутылок и спящих взад-вперед угрюмых официантов. Он желал продолжения банкета, веселых песен и «цыганочки с выходом». Ему хотелось тряхнуть стариной, показать свою молодецкую удаль, но в присутствии почтенной публики ничего подобного он себе позволить не мог.

«Чертовы снобы!» – думал Аркадий Александрович Соболев, стараясь поймать на вилку маринованный гриб, который бегал от него по тарелке, словно живой.

Внезапно его взгляд упал в самый конец зала, где банкетный стол, уходя влево, упирался в нишу. Там с бокалом в руках сидела привлекательная блондинка. Она была одна и, по всей видимости, никуда не торопилась. Женщина смотрела на него и улыбалась.

Кто она такая? Черт ее знает... Вот только лицо казалось ему смутно знакомым, что только усложняло его щекотливое положение.

Аркадию вовсе не хотелось выглядеть невежливым, оставив без ответа милую улыбку незнакомки. Он отсалютовал ей бокалом. Та ответила, продолжая смотреть на него. Черт возьми, он должен ей хотя бы что-то сказать... Но для этого нужно примерно представлять, кто она есть. Блондинка могла оказаться его студенткой или аспиранткой, коллегой Вики или, что еще хуже, их родственницей. Банкет был закрытым мероприятием, стало быть, незнакомых и незваных гостей здесь быть не может. Значит, он знает ее. Либо лично, либо через Викторию. Но ему никак не удавалось вспомнить ни ее имени, ни хотя бы того, откуда она взялась. К сожалению, подобной амнезией часто страдают люди, круг общения которых чрезвычайно велик.

В другой ситуации Аркадий бы непременно смешался, отвел взгляд, но сейчас он был слегка пьян и потому отважен. В конце концов, для чего человеку дан язык? Правильно, для того, чтобы решать всевозможные проблемы. А эта внезапно возникшая проблема казалась Аркадию Александровичу весьма симпатичной.

Он встал со своего места и, стараясь придать походке ровность, двинулся к незнакомке.

– Как прошел вечер? – спросил, присаживаясь рядом.

– О, великолепно, Аркадий Александрович! – откликнулась блондинка, чем окончательно сбила его с толку. Нужно было быть полным кретинком, чтобы после подобной реплики брякнуть: «Собственно говоря, а как вас зовут? Что-то я запамятовал...»

Теперь, сидя рядом с женщиной, Аркадий разглядел тоненькую сеточку морщин у внутренних уголков глаз и понял, что «его незнакомка» не так уж и молода. Во всяком случае, не моложе его жены. Лет тридцать семь – тридцать восемь... Старовата для того, чтобы быть студенткой. Стало быть, белокурая гостья – скорее всего, сотрудница университета. Хотя, может, и журналистка. Кто ее знает?

– Завтра на работу? – спросил он, наводя ее на нужную тему.

Но блондинка улыбнулась:

– О, нет! Завтра я буду спать до обеда. Видите ли, я – ужасная засоня...

Она демонстративно потянулась, разведя руки в стороны, от чего ее довольно большая грудь вздыбилась под тонкой блузкой. Аркадию показалось, что на него пахнуло чем-то уютным, домашним. Так благоухал хлеб его детства, испеченный бабушкой в настоящей деревенской печи. Черт знает почему, но ему понравилось, что от незнакомки не несет тошнотворным ароматом дорогих духов.

– Должно быть, поэтому родители меня и назвали Соней, – бесхитростно призналась она. А он обрадовался. Одна загадка была уже решена.

– А что, Сонечка, если вы, конечно, не торопитесь, зайдем-ка мы в бар? Тут, по соседству, – предложил он. – Боюсь, здесь мы только мешаем.

Официанты и вправду бросали на них недовольные взгляды. Гости разошлись, пожав на прощание руку Аркадию Александровичу, и они с «незнакомкой» Соней остались одни в большом уютном зале. Одни, не считая, конечно, обслуживающего персонала, который спешил поскорее разойтись по домам.

Соня не стала ломаться:

– Идемте!

Аркадий галантно предложил даме руку и почувствовал приятное возбуждение, когда, словно случайно, рукой коснулся ее бедра, помогая ей выбраться из-за стола.

– побыстрее, товарищи! – обратилась к ним на старомодный манер женщина из obsługi, пожилая не улыбкавая тетка, должно быть, посудомойка. – Времени, между прочим, почти половина первого, а за банкет только до двенадцати уплачено!

Аркадий и Софья переглянулись. Неожиданное замечание их развеселило, и они как добрые знакомые, шутя и переговариваясь, двинулись к выходу из банкетного зала.

«И все-таки, откуда я ее знаю?» – вяло шевельнулась в голове Аркадия затуманенная алкоголем мысль. «А! Да не все ли равно!» – махнул он рукой и еще раз, уже специально, обнял незнакомку за талию...

В баре было многолюдно и накурено. Они заказали коньяк и уселись прямо за стойкой. Громко звучала музыка, и Аркадий не всегда понимал обращенный к нему вопрос, а потому, должно быть, отвечал невпопад. Но все это было неважно, поскольку Софья улыбалась ему ласковой улыбкой, а ее колено под столом касалось его ноги. Соболев чувствовал себя, как мальчишка на первом свидании.

Барный стульчик – вещь весьма неудобная, созданная для длинноногих и молодых. Софья немного смущалась, что разрез на юбке разошелся в стороны и ее полное округлое бедро стало видно едва ли не на две трети. Она прикрывала разрез ладонью, как школьница, а Аркадия ее жест страшно заводил. Домой его не загнало бы сейчас даже известие о пожаре.

Выпили по порции. Он заказал еще. Блондинка продолжала улыбаться, рассказывая ему что-то не то из своей жизни, не то из жизни своих знакомых, не то вообще содержание какой-то книги. Ему было наплевать. Он заворуженно следил за тем, как на ее подбородке дрожит, переливаясь, как янтарь, крохотная капля коньяка. Повинуясь внезапному порыву, Аркадий вдруг наклонился к ней, так что ее лицо оказалось совсем близко, чуть снизу, и тихонько слизнул каплю. Потом нашел ее губы, мягкие и податливые. Софья отшатнулась.

– Пожалуй, мне пора, – сказала она, спуская ногу со стула. Разрез пошел еще выше, и он увидел тугую резинку чулка.

– Сдачи не надо! – крикнул Аркадий бармену, швыряя на стойку мятую купюру. Догнал он ее почти у дверей...

Телефонный звонок звучал так же пронзительно, как дрель в руках соседа-садиста, вздумавшего с утра пораньше в воскресенье приделать к стене полочку для книг. Аркадий не сразу сообразил, где находится источник шума, в складках постельного белья или у него в голове.

– Ал-ло! – выдохнул он.

– Аркадий Александрович, – раздался в трубке высокий женский голос, – вы где?

– Что это, собственно говоря, значит? «Вы где...» – передразнил он недовольно. – Я там, где мне и положено быть.

– Аркадий Александрович, но вы должны быть в университете. У вас лекции! Кроме того, заседание кафедры...

– Сам знаю, – буркнул он и, спустив ноги с кровати, попытался нащупать тапочки. Странно, но их там не оказалось. Впрочем, и кровать стала вдруг какой-то не такой, слишком высокой и неудобной, издающей при каждом его движении ужасный скрип.

Когда сонная пелена спала с глаз, Соболев с удивлением обнаружил, что находится в небольшой квадратной комнате, обставленной так, как обычно бывает в гостиницах. Прикроватные тумбочки с двух сторон подпирали неудобное ложе, на котором в беспорядочную кучу сбились скомканные простыни. Занавеси на окне были задвинуты, и в комнате царил полумрак, но он все же разглядел журнальный столик в углу, а на нем неубранную посуду. На спинке кресла, по-хозяйски расправив плечи, расположился его пиджак.

Все это было дико и неправдоподобно, и Аркадий, который по праву гордился своей рассудительностью, несомненно, нашел бы объяснение странному пробуждению в незнакомой комнате, если бы не тупая, ноющая боль в голове и не отвратительный привкус во рту.

«Ох ты, боже мой! – подумал он с досадой. – Где же я?»

Аркадий Александрович пытался припомнить, что было накануне, но мысли его окутывал сумрак, а в голове неумолчно звучал звон бокалов. «Тост за именинницу!» – как бы раздался в его ушах чей-то бархатный баритон, и он встрепенулся, обрадовавшись случайной подсказке. Значит, накануне у его жены был день рождения. Только где теперь сама Виктория и почему он лежит на кровати в дешевой гостинице?

Соболев встал на ноги и, слегка покачиваясь, подошел к окну. Конечно, за плотно зашторенными окнами оказался не Лондон и не Париж, а город, в котором он прожил всю сознательную жизнь. Открытие не обрадовало. Но не потому, что Аркадий хотел за границу, а потому, что прекрасно знал: в этом самом городе у него имеется комфортабельная квартира, и, стало быть, ночевать в третьесортной гостинице ему не было резона. Он сделал еще шаг и наткнулся босой ногой на какой-то тряпичный комок. Подняв его с пола, оторопел, осознав, что в его руках находится предмет одежды, который никак не мог принадлежать ему. Это был розовый женский пиджак, немного неряшливый, помятый, да еще с оторванной верхней пуговицей. Виктория никогда бы не надела столь безвкусную вещь, да еще требующую срочного ремонта. Что еще за загадка?

Сообразив, что странностей становится все больше и больше, Аркадий решил, что ему недурно будет убраться отсюда, чем быстрее, тем лучше. Не то чтобы ему было чего бояться, просто все неведомое и непонятное настораживало его, требовало разрешения. Сейчас же он явно не в форме. Страдающий от боли, чуть живой от похмелья, он нуждался в покое и не был настроен разгадывать шарады. Потом, быть может. А теперь ему требовалось утрясти проблемы на работе, показаться дома и привести себя в порядок. В общем, не без труда отыскав в скомканных простынях собственные брюки, Аркадий Александрович был готов к побегу. Шаги и приглушенные голоса в общем коридоре заставили его насторожиться.

«Пусть пройдут», – подумал он трусливо. Но тут в дверь постучали...

– Аркадий Александрович! – раздался чей-то незнакомый голос. – Откройте, нам известно, что вы здесь!

Неизвестно почему, но Соболев почувствовал нарастающую панику. Ему захотелось вдруг провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе или же немедля взмыть в небо. Он суетливо заметался по комнате. Еще раз открыл штору. Где-то далеко внизу трепетали на ветру

остатки некогда густой гривы кленов. Этаж, по-видимому, четвертый. Высоковато для того, чтобы сигать вниз. Никакого балкона или пожарной лестницы. Но разве бы он полез из окна? Полный бред! Почему он, профессор социологии, известный и заслуженный человек, ведет сейчас себя как параноик?

Между тем стук в дверь стал требовательнее.

– Аркадий Александрович, ну что вы как ребенок, право слово!

Он открыл дверь и остолбенел при виде группы людей. Их было больше, чем он ожидал. Да и лица у его утренних гостей казались слишком уж неприветливыми. У того, кто стоял ближе всех, губы кривились в недоброй усмешке. Этот мужчина с большой родинкой на щеке довольно бесцеремонно толкнул его внутрь.

– Гражданин Соболев? – осведомился он скрипучим прокуренным басом. – Извольте сесть в кресло и без особого разрешения не вставать. Нам нужно осмотреть комнату.

– Но я... Простите, но на каком основании? – залепетал вдруг Аркадий. – Кто вы такие? Вообще, что здесь происходит?

Мужчина с родинкой хмыкнул.

– Ознакомьтесь. – Он сунул под нос Соболеву какую-то маленькую книжечку с фотографией. Похоже на какой-то пропуск или удостоверение.

Аркадий тщетно пытался рассмотреть пляшущие перед глазами буквы. Он видел довольно размыто печать и, кажется, двуглавого орла.

– Подождите, мне нужны очки, – сказал он. – Я еще не прочитал.

Но мужчина уже хлопнул книжицей перед его носом.

– Потом будете читать, а сейчас нам нужно заниматься делами. Так что в кресло, и без разговоров! – Он повернулся к своей группе: – Приступайте, ребята!

И сразу же маленькое помещение до отказа наполнилось людьми. Они переговаривались, перемещаясь между кроватью, окном и маленькой прихожей. Защелкал фотоаппарат. Аркадию показалось, что он видит дурной сон...

– Снимите кровать. Вот с этого места. Мне нужен общий план, – командовал мужчина с родинкой, и бородатый фотограф послушно выполнял его распоряжения.

Похоже, тот, который показывал книжицу с фото, тут был за главного. Аркадий не нашел в своем богатом профессорском лексиконе подходящего слова и поэтому окрестил неприветливого человека «командиром».

– Обнаружен пиджак. Розовый, женский, – говорил кто-то другой. – Верхняя пуговица оторвана. Есть повреждение петель.

– Ищите пуговицу! – распорядился «командир». – Пиджак изъять. Впрочем, как и постельное белье. Все надлежаще упаковать. Да осторожнее! Не натрясите своих волос, черт вас дер!

Люди сновали взад и вперед возле кресла, на котором сидел Аркадий, задевая его и при этом не извиняясь. Изредка кто-то из них бросал на него любопытный взгляд, в котором, помимо прочего, читалась еще и усмешка. Это было возмутительно. Но Соболева сковал вдруг какой-то первобытный страх. Он, известный профессор, всегда речистый и уверенный в себе, вдруг замкнулся, как ребенок в присутствии гостей, и, не сходя с места, наблюдал за кипучей деятельностью странных людей.

– Нам нужно осмотреть вас, – шагнул к нему мужчина с родинкой.

– То есть как осмотреть? – встал с места Аркадий. – Вот смотрите.

Он поднял вверх руки, словно сдаваясь в плен. Но его покорность ничуть не порадовала «командира».

– Мы будем осматривать *все*, – многозначительно сказал он. – Свежие ссадины, царапины, порезы имеются?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – затряс головой Аркадий.

– Ладно, сами увидим, – мрачно заявил мужчина. – Кроме того, нам понадобится ваше белье.

– Белье? В каком смысле?

– В смысле трусы. Мы их тоже изымем. Как вещественное доказательство.

– Вы что, с ума сошли?

– Отнюдь. А вот вы прошедшей ночью – точно.

– Да объясните же, что происходит! – с отчаянием воскликнул Аркадий. – Что все это значит?

– О, какой упрямый, – хмыкнул кто-то из присутствующих. – Надо отвечать за свои действия, дядя!

– Да скажите же человеку, – проявил вдруг милосердие фотограф, – может, он на самом деле ничего не помнит.

Человек с родинкой жестко взглянул на Соболева. В его глазах не было и искры дружелюбия.

– Мы получили заявление от гражданки Кисловой Софьи Валерьевны о том, что здесь прошлой ночью было совершено изнасилование.

– Здесь? – удивленно произнес Аркадий, все еще не понимая, что происходит. Затем посмотрел по сторонам, должно быть, ожидая найти в комнате прячущегося насильника.

Его взгляд не укрылся от людей в форме.

– Нет, вы только посмотрите на него! – сказал один из них, самый нетерпеливый. – Ну не знаю, я бы кастрировал таких.

Человек с родинкой оказался более выдержанным.

– Не паясничайте, Аркадий Александрович! Вы ведь в курсе, о ком идет речь? *Именно вы тот человек, который совершил это преступление...*

Глава 3

Поездка в Прагу удалась, и Виктория чувствовала себя сейчас так, словно провела время на курорте.

Ее выступление на симпозиуме было отмечено аплодисментами, и она получила сразу же несколько приглашений от зарубежных коллег. Были деловые встречи и званые обеды, где ей удалось блеснуть не только своей эрудицией и великолепным умением вести дискуссию. Безупречный вкус в выборе одежды и отличные манеры выгодно выделяли ее из безликой массы «женщин науки».

Если бы ей вздумалось завести интрижку, то с выбором подходящего субъекта проблем бы не возникло. Ее окружали известные ученые и политические деятели, журналисты и бизнесмены, многие из которых были не прочь поволочиться за симпатичной славянкой. Ее внешняя броскость, красивое лицо и волнующие формы казались им поначалу признаками известной российской доступности. Однако, обнаруживая у собеседницы при близком знакомстве блестящий ум и острый язычок, они бывали сильно обескуражены, растеряны и смущены. В конце концов, с удивлением осознавая, что союз красоты и ума в природе все-таки существует, мужчины поднимали ее достоинства на небывалую высоту, охотно пересыпая свою речь комплиментами, считали за честь сопровождать ее в прогулках по старой Праге. Виктория только посмеивалась в душе, удивляясь, почему все представители противоположного пола устроены так... одинаково.

Аркадий ее в аэропорту не встретил, и данное обстоятельство ее вначале насторожило. Их семейные традиции были неизменны, как устои монастыря, и поцелуй в зале прилета был таким же обязательным условием, как и наряженная елка на Новый год. Но дети сообщили, что отец звонил и сказал, что вынужден срочно уехать на какую-то научную конференцию. Она приняла это известие без подозрений. Аркадию Виктория доверяла абсолютно и даже мысли не допускала, что его отсутствие может быть вызвано какими-то другими причинами, кроме служебной необходимости.

В университете она появилась, как обычно, по расписанию, сияя белозубой улыбкой и новыми чешскими украшениями...

Шло заседание научного кружка. Обычно Виктории нравилась такая работа. Здесь собирались талантливые студенты, для которых общение в непринужденной обстановке пару раз в месяц являлось отличной возможностью обсудить то, что не укладывалось в рамки учебного плана. Вот и сегодня заявленная тема встречи «Что необходимо сделать на пути к ВТО» плавно перешла к дискуссии по самым злободневным вопросам современности.

– Прошло двадцать лет после начала перестройки, а население России по-прежнему опасается возврата к прошлому! – кипятился староста Воротников, сев на своего любимого конька. – Люди не доверяют отечественным банкам и, как раньше, хранят свои сбережения «в чулке». Предприниматели вывозят из страны свои капиталы, опасаясь погромов и конфискации. А чем лучше Центральный банк? Большую часть золотовалютных запасов он держит за рубежом!

– Во всем виной страх, – заявила вдруг отличница и тихоня Сечкина. – Страх определяет сущность многих экономических явлений. Разве вы не согласны с тем, что неисполнение договорных обязательств стало у нас едва ли не нормой поведения? Учитывая это, предприятия, как малые, так и большие, сдерживают производство, не развивают коммерческие связи, с опаской относятся к новым проектам.

– Страх? Но при чем тут страх? – переспросила Виктория немного рассеянно. Сегодня она, как ни старалась, никак не могла войти в русло студенческой дискуссии и вовремя подкидывать ребятам нужные реплики.

Причиной тому могла быть обыкновенная усталость. Плотный график зарубежной поездки, ночной авиаперелет кого угодно свалят с ног. Тревожило ее и странное исчезновение Аркадия. Конечно, ничего особенного, но все-таки – ни звонка от него, ни SMS. Неужели он так занят?

Ко всему прочему, на задней парте сейчас сидел какой-то незнакомый человек, по виду мало похожий на студента, который все время пялился на нее, но в дискуссию не вступал. Происходящее в институтской аудитории не вызывало в нем особого интереса, поскольку на его губах блуждала какая-то странная, пренебрежительная усмешка. С таким выражением взрослые следят за разговором малышни в песочнице. Это выводило Викторию из равновесия, не давало сосредоточиться, но еще в самом начале своих встреч со студентами они решили, что все заседания научного кружка строятся на добровольной основе. Никакой проверки посещаемости, никаких ограничений. Хочешь – приходи и приводи с собой друзей, не хочешь – ступай туда, где тебе интересно. Не могла же она теперь первая отступить от правил и учинить допрос незнакомцу! Оставалось радоваться, что ее кружок становится все более популярным.

– Страх укоренился в нас на генетическом уровне, – продолжала Сечкина. – Предприниматели боятся произвола чиновников больше, чем поборов со стороны криминальных структур. Эти нескончаемые войны за передел собственности, объектами которых становится государственное и частное имущество – предприятия, ценные бумаги, земельные участки...

Но Виктория услышала из речи девушки лишь одно-единственное слово – «страх», и легкое беспокойство, едва проклюнувшееся в ее душе, начало разрастаться, постепенно заполняя ее всю, без остатка. Она украдкой посмотрела на часы. Оставалось всего двадцать минут. Но студенты явно разошлись, вряд ли они уложатся во временные рамки. Обычно Виктория ничего не имела против того, чтобы продолжить общение, – никаких заранее установленных стандартов! Но сегодня ее душа рвалась отсюда вон, скорее на осыпанную осенней листвою улицу, в автомобиль, знакомый и надежный, и, наконец, домой, где ее встретят Маша, Петя и, должно быть, Аркадий. Родные еще посмеются над ее беспочвенными страхами, а она ради острастки устроит мужу небольшую проборку. Нельзя же так пугать людей! Ну а потом, конечно, раздаст им небольшие подарки из Праги, и они усядутся ужинать, обсуждая все то, что произошло с ними за несколько дней.

– Ха! Да я готов поспорить, что власть испытывает тот же генетический страх перед народом! – кричал Воротников. – Вспомните крестьянские восстания Разина и Пугачева! А погромы дворянских усадеб? А российские революции? А кровопролитие Гражданской войны?

Человек на последней парте вопросительно поднял брови.

– А репрессии 20-х, 30-х годов? А конвейеры смерти советской системы исполнения наказаний? Страх перед народом – вот основная причина репрессий.

«Дался им этот страх...» – Виктория покачала головой.

– И теперь то же самое! Страх парализует работу многих ведомств. Чиновники боятся высказывать свое мнение. Главное для них – не собственная позиция, а сохранение должности, – почти в унисон твердили Сечкина и Воротников.

– Отлично! – Виктория наконец взяла себя в руки. – Значит, так и решим. Следующая тема нашей встречи: «Страх в общественно-политической жизни России». Я вам подготовлю список соответствующей литературы, но на сегодня мы закончим.

Раздался протяжный вздох, и студенты цепочкой потянулись к выходу. Станный незнакомец на последней парте не сдвинулся с места...

Он смотрел на нее молча, изучающе, совсем не так, как обычно глядят студенты или научные коллеги. Мужчина был неприятен Виктории. Не отягощенное интеллектом лицо, потрепанная кожаная куртка и весь его внешний вид, неопрятный, неряшливый. Сразу видно – не интеллигент. А чего стоит его ухмылочка, блуждающая на губах! Словно он застал ее за каким-то непристойным занятием, а сейчас не торопится высказать свое мнение. Да пошел он! В ее душе возник протест, больше похожий на злобу. Такая реакция была нелепой, ведь Виктория видела этого человека впервые, и у нее не было оснований сердиться на него. Разве только его улыбка... Но, как известно, внешний вид очень обманчив.

– Заседание научного кружка окончено, – сухо информировала Виктория неожиданного посетителя. – Сожалею, но мне нужно закрыть аудиторию и сдать ключи вахтеру.

Человек в потрепанной куртке еще раз ухмыльнулся.

– А у меня к вам есть вопросы, Виктория Павловна! Может, поговорим здесь?

– На ваши вопросы я отвечу на следующем заседании научного кружка, – еле сдерживаясь, сказала она.

– Думаю, что студентам очень понравится тема нашей беседы. Даже больше чем... как там... «Страх в современной жизни России». Да вы революционерка, Виктория Павловна!

– Что вам угодно?

– Мне угодно задать вам несколько вопросов. И попробуйте сказать, что я не имею на это права... – Человек в куртке взмахнул перед ее носом удостоверением в красной корочке.

Мелькнули перед глазами ровные строчки, фотография и печать. «Оперуполномоченный» – выхватила Виктория единственное слово. При чем тут оперуполномоченный? Скорее всего, речь пойдет о ком-то из ее студентов. Такое иногда случалось.

– Может, перейдем на кафедру? – спросила Соболева.

– Там много посторонних ушей, – отрезал мужчина. – Вам оно надо, Виктория Павловна?

И опять эта ухмылка... Словно странный гость знает про нее какую-то грязную тайну. Что она натворила? Может, в ее багаж кто-то сунул наркотик? Полный бред! Или нарушила визовый режим? И что, теперь ее отправят назад в Чехию? Еще смешнее...

– Я хотел поговорить о вашем муже, – заявил вдруг оперативник.

– Об Аркадии? – удивилась Виктория.

– А что, у вас есть еще мужья? – проявил остроумие собеседник. – Ну так где он сейчас, ваш Аркадий?

– Насколько мне известно, на научной конференции, – обронила Виктория, игнорируя его насмешливый взгляд. – Видите ли, я только сегодня ночью вернулась с симпозиума в Праге и не совсем...

– Научные конференции, симпозиумы... – Мужчина изогнул в презрительной улыбке губы. – Какие мы все важные! А вы доверяете вашему мужу, Виктория Павловна?

Она опешила.

– Это очень личный вопрос. Что вы имеете в виду?

Оперативник почесал голову.

– Ну, там... Он вам изменяет?

– Что?!

– Так обычное же дело... Муж. Жена. Еще одна женщина, любовница.

– Вы пришли мне сказать, что у моего мужа есть любовница?

– Нет, конечно. Хотел спросить вас только, знаете ли вы Кислову Софью Валерьевну?

– Нет. А кто это?

– Потом узнаете.

– Почему вы говорите со мной загадками? Не пора ли объяснить, зачем вы пришли? – бросилась Виктория в наступление.

– Объяснять будет следователь. Я же пришел с вами побеседовать. Но, так понимаю, вряд ли от вас будет толк. Вы, говорите, были за границей?

– Была. Но я ничего не понимаю! Почему вы задаете мне такие странные вопросы? Каковы мои права? Я имею право пригласить адвоката?

– Адвокат ей нужен... – недовольно пробурчал оперативник. – Такое впечатление, что я вас притесняю. Задал только пару вопросов. Делов-то!

Мужчина встал.

– До встречи, Виктория Павловна! Причем, полагаю, до очень скорой. – Он осмотрел ее еще раз с головы до пят, так, как делает доктор на приеме, определяя телосложение пациента. Но во взгляде оперативника не было медицинской деликатности. Его взгляд застрял сначала на уровне ее груди, затем бедер.

– Черт его знает, вашего мужа, чего ему еще было нужно? – Он еще раз ухмыльнулся. – Хотя как знать... Симпозиумы, говорите?

Оперуполномоченный так и ушел, оставив Викторию в состоянии тихой паники...

Она села в машину и обеими руками обхватила руль. Так, что происходит? Ее сердце билось неровно, толчками, передавая дрожь от своих ударов всему телу. Нелепый разговор со служителем закона вывел Викторию из состояния равновесия, и теперь она, прежде хладнокровная и здравомыслящая женщина, вела себя как последняя неврастеничка.

Странный тип молот что-то про измену и Аркадия... Но какое отношение это имело к ней? Конечно, Аркадий – ее муж. Она доверяет ему и далека от мысли, что супруг ей изменяет. Но даже если и изменяет, какое дело до его поведения правоохранительным органам? Что, измена теперь стала уголовно наказуемым деянием? Или у нас появилась полиция нравов?

Но о какой измене она сейчас думает? Неужто Аркадий, тонкий интеллигентный мужчина, преданный семьянин, спит с другой женщиной? Кто она?

Виктория нахмурила лоб, стараясь припомнить имя, которое произнес оперативник. Некая Кислова Софья. Кто она, любовница мужа? Чувшь какая! Хотя если принять во внимание внезапное исчезновение Аркадия... Он что, не на конференции, а в гостях у этой особы?

Виктория тряхнула головой. Она всегда верила в логику и здравый смысл. Конечно, мужа изменяют женам, но, как правило, делают все скрытно. Если, конечно, не хотят развалить семью.

В том, что Аркадий не хотел бросать ее и детей, у нее не было никаких сомнений. У них на редкость счастливый брак. Даже на ее дне рождения все только об этом говорили. У них чудесный дом, воспитанные дети, море друзей, совместный досуг... Да, да, досуг! Как же тогда их выезды вдвоем на природу, шашлыки на даче, походы в кино, поцелуи по вечерам? Разве можно поверить в то, что Аркадий готов оставить семью? Нет, конечно. Такого просто не может быть!

Но если мужчине не хватает перца в семейной жизни, он изменяет, придумывая всякие ходы и отговорки. Так что, поездка на научную конференцию и есть хитрая уловка? Но ведь он вполне мог насытиться страстью за время ее отсутствия и как ни в чем не бывало появиться в аэропорту с улыбкой на губах и огромным букетом в руках. Но Аркадий не появился, и телефон его молчит. Что-то тут определенно не так. Да еще визит этого нагловатого оперативника...

Глава 4

В квартире было тихо и чисто. На стене, как и прежде, пестрели яркие буквы, наклеенные скотчем: «Мы любим тебя». Должно быть, домочадцы Виктории решили сохранить свидетельство своей любви навсегда. Только главного зачинщика не видно. В прихожей на привычном месте стояли его тапочки, в ванной висел банный халат, газеты стопочкой лежали на журнальном столике рядом с футляром от очков и парочкой хорошо отточенных карандашей, которыми он обычно делал отметки в прочитанном.

Маша и Петя ступали по полу неслышно, словно в доме вдруг появился тяжелый больной, которого тревожит скрип паркета и беспричинный смех. Они чувствовали себя виноватыми в том, что переговорили с отцом наспех и не задали ему тех вопросов, которые теперь задавала им мать.

– Значит, он не сказал, как долго пробудет на конференции? – в сотый раз спрашивала Виктория.

– Нет, мам, – отвечала Маша. – Сказал только, чтобы мы за него не беспокоились и что он будет звонить сам.

– Но он не звонит, и его номер недоступен!

– Может, у него проблемы со связью. Так иногда бывает в труднодоступной местности, – внес свое объяснение Петр.

– Ты хочешь сказать, что конференция по социологии проходит в труднодоступной местности? По-твоему, где? В тайге? – Виктория была близка к истерике. – Но вы же взрослые дети! Неужели у вас не появилось никаких подозрений, вопросов...

– Прости, мама, – довольно невежливо перебила ее Маша, – но ты сама учила нас не задавать родителям лишних вопросов. К тому же какие подозрения у нас могут быть в отношении папы?

– Вы правы, – признала Виктория. – Ступайте!

Она махнула рукой, но дети продолжали стоять еще минуту, не сводя с матери обеспокоенных глаз, потому что раньше не видели ее в таком волнении. Но привычка не задавать лишних вопросов сидела в них крепко, не позволяя и сейчас развязать язык, броситься к матери, обнять ее – и успокоиться, прижавшись к родному телу. Между тем с ней определенно что-то было не так. Она даже не потребовала у них отчет о проделанной в ее отсутствие работе...

Виктория решила – ей нужен адвокат. Конечно, она еще слабо понимала зачем, но уверена была твердо, что визит к ней того ужасного человека в потрепанной кожаной куртке обязательно повторится. Раньше она никогда не имела никаких дел с юристами. Разве что с нотариусами, но, упаси бог, с судьями и прокурорами – никогда. Разумеется, Соболева знала о том, что интересы всякого человека может защитить адвокат, и даже обсуждала со своими студентами развитие правовой реформы в России. Но права человека были для нее лишь интересной темой для исследования или научной статьи, вещью очень далекой от орбиты ее повседневной жизни. У нее не было особых связей в адвокатуре. Так, пара-тройка телефонов, по которым можно позвонить. Теперь это ей понадобилось...

Она взяла в руки телефонную книжечку в красном кожаном переплете.

– Агнию Ромуальдовну, будьте добры! – попросила она секретаря.

– Агния Ромуальдовна сейчас в отъезде по делам клиента. Конечно, если вы оставите свое имя и координаты, адвокат перезвонит вам. Вы можете коротко обрисовать суть проблемы, и тогда она свяжется с вами еще быстрее.

Виктория выдохнула.

«У меня исчез муж, и противный оперативник говорил мне что-то про супружескую измену», – едва не сообщила она, но тут же осеклась. Что про нее подумают?

– Нет, у меня нет спешки, – сообщила Соболева привычным, будничным тоном. – Я смогу перезвонить и позже...

Вторым в списке значился Семен Грановский, замечательный адвокат, судя по отзывам прессы. Но у него имелся существенный недостаток – он был мужчина! Неизвестно, а точнее, известно почему, но Виктория хотела разговаривать именно с женщиной. Ну как обсуждать с представителями сильного пола исчезновение неверного мужа? Все мужчины в этом смысле циники. «Побегаёт и возвратится домой», – скажет, должно быть, прославленный адвокат и вернется к своим убийцам и казнокрадам, оставив ее на попечение носового платка.

Ну вот, собственно, на том ее связи в адвокатском мире и заканчивались. Правда, в адресной книжке есть приписка, сделанная неровным почерком мужа: «Адвокат Дубровская (спросить про доверенность)». Дальше шел номер телефона. Что за доверенность, и зачем она понадобилась ее мужу, неизвестно, но слово «адвокат» было выведено четко. Виктория набрала номер.

Ей ответил бодрый голос, должно быть, принадлежащий секретарше.

– Адвоката Дубровскую, будьте добры!

– Я вас слушаю.

Голос был слишком молодым, и Виктория едва не повесила трубку. Что может быть хуже молодого адвоката?

– Вам нужна помощь? – поинтересовалась трубка в ее руках.

Неизвестно почему, но Виктория решила продолжить диалог.

– Да. Мне нужна помощь. Причем как можно скорее...

Елизавета Дубровская, во всяком случае, так она представилась, уже не была девчонкой, но все же, на взгляд Виктории, выглядела непростительно молодо. Лет двадцать семь ей, двадцать восемь, не больше... Интересно, когда она успела стать адвокатом? Некоторые из ее ровесников все еще протирают штаны на институтской скамье. Про опыт спрашивать было излишне.

– Простите, – смешалась Виктория. – Я, должно быть, ошиблась. Вы так молоды, что...

– Интересно, для какого дела я не подхожу в силу своей молодости? – довольно смело поинтересовалась адвокат. – Может быть, вы изложите дело, а потом мы уже посмотрим, насколько оно мне не по возрасту?

– Дело не в возрасте. Хотя, конечно, и в нем тоже... Видите ли, я ожидала увидеть опытного защитника.

– Мне не хотелось бы нахваливать себя, не зная сути дела, но скажу: я достаточно опытный адвокат.

Виктория с сомнением оглядела шуплую фигурку «опытного адвоката». Дубровская была невысока ростом и совсем не представительна, хотя и симпатична. Но разве Соболевой есть дело до «вкусных», шоколадного цвета глаз своей защитницы? Или до ее роскошных темных волос, убранных в строгую деловую прическу? Хорошо хоть, что прибывшая по ее зову девица облачена в строгий костюм и в руках держит кожаный портфель, а не то Виктория приняла бы ее за студентку, не сдавшую экзамен по отечественной истории. Как, скажите, довериться такому адвокату? Может, она погорячилась и ей стоило остановить свой выбор на Грановском? Или подождать, пока вернется из своей поездки Агния Ромуальдовна?

Соболева вздохнула. Кажется, при скудости выбора альтернативы у нее нет. Хорошо, она попробует эту Дубровскую. В конце концов, речь пока идет только о консультации...

Прошел целый час после того, как Дубровская, запершись на кухне, начала терзать телефонный аппарат. У Виктории уже не было сил, и сейчас, услышав бодрый голос своего нового адвоката, спросившей: «Алло, это морг?», она потеряла остатки самообладания. К сожалению, Соболева не курила. Иначе, наверное, весь пол, включая турецкий ковер ручной работы, был бы давно усеян окурками. Она мерила вдоль и поперек необъятное пространство гостиной, привычно удивляясь, как у многих людей на такой площади может поместиться квартира.

Да, все мы неравны. Но есть то, что примиряет нас. Это брэнность земного существования и отвратительная близость несчастья. Что будет делать Виктория, если сейчас на другом конце провода такой же бодрый голос ответит ее адвокату: «Да, у нас есть неопознанный мужской труп возраста от тридцати пяти до сорока с родинкой на правой стороне груди. Приезжайте на опознание». Мир перевернется на голову, и оплот ее благополучия разлетится в прах. У них в доме смерть? Нет, увольте, этого просто не может произойти. А если произойдет? Молоденькая адвокатесса выйдет сейчас из кухни, потупив взгляд, и скажет, не отрывая взгляд от пола: «Вам нужно успокоиться. Присядьте, пожалуйста! Даже не знаю, как вам сообщить. Вы должны быть сильной. Ваш муж...» Конечно, она не произнесет эту фразу без запинки, но Виктория все заранее поймет по ее глазам. А дальше что? Обморок, вата с нашатырем, ненужные слова соболезнования, много чужих людей в квартире, городское кладбище и потом – гулкая пустота.

В общем, когда Дубровская наконец вышла из кухни, Виктория находилась в состоянии, близком к помешательству. Взгляд адвоката блуждал по ковру, не решаясь подняться выше уровня колен хозяйки.

– Виктория Павловна, присядьте, – попросила она.

Соболева остановилась так резко, словно с размаху налетела на невидимую стену. Ее дурные прогнозы начали сбываться.

– Я сильная, – сказала она, обращаясь не то к адвокату, не то сама к себе. – Я все выдержу. Итак, он умер, верно?

– Нет, – оторопела адвокат. – Ваш муж жив, но, боюсь, у меня для вас дурные новости.

Дурные новости?! Ее муж жив, и хвала небесам. Все остальное она переживет. Разве есть испытание, которое она не сможет перенести?

– Аркадий Александрович задержан по подозрению в совершении преступления.

Виктория улыбнулась.

– Что вы такое говорите? Аркадий и... преступление?

– Боюсь, что так.

– Но что он мог совершить? Проехал перекресток на красный свет? Вы знаете, он у меня такой рассеянный. Или нет... Он наверняка вовремя не оплатил штраф. Но это поправимо, я сегодня же внесу деньги. Вы сможете освободить его сегодня?

Дубровская вдохнула больше воздуха.

– Постойте, Виктория Павловна. Дело не в неправильной парковке или езде на красный свет. Речь идет о преступлении. Он совершил изнасилование и покушение на убийство.

– Черт! Что вы такое несете?

Дубровская пропустила грубость мимо ушей. Такой женщине, как Виктория Соболева, сложно представить, что муж ее находится сейчас в изоляторе временного содержания и на обед получит баланду.

– Это только подозрение, Виктория Павловна, а не установленный факт. В конце концов, вашему супругу даже не предъявили обвинение, – сказала она, стараясь, чтобы ее слова звучали мягко. Но смысл сказанного от тона все равно не менялся: слово «изнасилование» звучало звонко, как пощечина. Даже последующее «покушение на убийство» как-то терялось рядом.

– Вы хотите сказать, что Аркадий изнасиловал какую-то женщину, а потом ее убил? – недоверчиво спросила Виктория.

– Не убил, а только попытался, – пояснила адвокат. – Женщина, по всей видимости, жива. Соболева смотрела на нее во все глаза, мысленно взвешивая каждое слово. Смысл сказанного адвокатом постоянно ускользал от нее. Может, потому, что и не было никакого смысла?

– Кажется, я догадалась, – медленно произнесла Виктория. – Должно быть, вы перепутали фамилию.

– Нет, с фамилией все очень ясно, – проговорила Дубровская. – Соболев Аркадий Александрович. Куда уж проще?

– Вот тут-то вся и разгадка! – облегченно вздохнула Виктория. – У нас слишком распространенная фамилия. Речь идет о каком-нибудь Соболеве, негодяе и рецидивисте, но никак не о моем муже.

Дубровская смущенно кашлянула. Перед ней стояла неблагодарная, а главное, совсем не адвокатская задача: убедить жену в том, что ее муж – преступник.

– Видите ли, Аркадий – доктор наук, признанный специалист в области социологии, – продолжала Виктория, словно возводя учеными званиями ширму, за которой смог бы спрятаться ее муж. – В конце концов, он – семьянин, отец моих детей. Нет, здесь какая-то ошибка.

– Виктория Павловна, ошибка, что подозрение пало на него, вполне вероятно, я не спорю, – предприняла ход конем Дубровская. – Но в изоляторе временного содержания сидит именно ваш муж, а не какой-то другой человек. И тут у меня нет сомнений.

А у Соболевой сомнения как раз были. Она смотрела на дверь, надеясь, что сейчас произойдет чудо: раздастся скрежет ключа в замке, потом послышится щелчок, скрипнут дверные петли, и на пороге появится Аркадий, целый и невредимый. Он смущенно улыбнется, а потом начнет жаловаться на чертову телефонную связь. Супруги посмеются и даже пригласят адвоката на чай. Потом эту историю они начнут пересказывать всем знакомым и родственникам – о нелепом совпадении, едва не стоившем Виктории первых седых волос.

Соболева отчаянно смотрела на дверь, словно стараясь усилием мысли распахнуть ее. Но чудо не происходило. Телефон лежал на журнальном столике, не подавая признаков жизни.

– Виктория Павловна, я понимаю, вам трудно представить...

– Трудно?! Да что вы такое говорите? «Трудно»... В это невозможно поверить!

– А я и не прошу вас поверить. Давайте сначала выясним все как следует, а потом уже будем думать, верить нам или нет, – предложила Дубровская.

– Да, но что я скажу родственникам? Что я скажу детям, наконец? Что их отец обвиняется... О боже мой! Я даже не могу произнести это слово. Уж лучше бы он совершил убийство...

«Господи, что я такое говорю? – пронеслось у нее в голове. Она определенно сходила с ума. – Ну, уж нет! Моя сила – это единственное, что мне поможет. Разумеется, произошла ошибка, и мне нужно набраться терпения и дождаться, когда все наконец выяснится».

Когда Виктория вновь взглянула на адвоката, в ее глазах уже не было растерянности.

– Я думаю, вам стоит навестить его, – сказала она твердо. – Давайте обговорим ваш гоно-
рар...

Глава 5

Аркадий и не подозревал, что на планете Земля есть еще иной мир, кроме того, в котором он жил до недавнего времени. Конечно, он обитал не во дворце, да и общался в основном с обыкновенными студентами и своими научными коллегами, но все-таки его мир, наполненный шорохом книжных страниц, звонками на перемену, лекциями и семинарами, научными статьями и монографиями, был далек от реальности, в которой он оказался. *Здесь* отвратительно пахло дешевым табаком и мочой. *Здесь* люди говорили на русском, но почти непонятном ему языке. *Здесь* все предложения строились в повелительном наклонении, а *там* к нему относились с почтением, как к личности, как к человеку, его мнением интересовались, его авторитет признавали. *Здесь* он был никем, этаким жалким подонком, которого можно бесцеремонно ткнуть к спине, беспричинно выругать. Он словно выпал из родного, теплого и уютного гнезда, оказавшись на другой планете, населенной злобными существами в форменной одежде. Это падение казалось ему очень болезненным.

То, что делали с ним, казалось, придумали специально для того, чтобы втоптать человека в землю, смешать его с навозом, а потом, вонючего и испачканного, кинуть в кучу из других таких же людских экскрементов. Он, подавив протест, терпел все. Терпел, когда ему делали смыв с полового члена и счесывали волосы с лобка, когда брали образцы крови и подногтевого содержимого. Он слышал оскорбительные слова и не мог ответить. Он стоял перед этими людьми обнаженный, подавляя стыд и чувствуя, что покрывается гусиной кожей. Предмет его мужской гордости был выставлен напоказ, как орудие преступления, а врач в грязном белом халате производил над ним нехитрые манипуляции. Аркадий даже не спрашивал, зачем это все им нужно, настолько был подавлен и растерян. А люди с другой планеты, кажется, и не подозревали, что для обозначения частей человеческого тела и отдельных, вполне понятных, с точки зрения биологии, действий могут использоваться пристойные выражения, а не мат и похабщина.

«За что? – вертелось у него в мозгу. – Что я сделал не так? Чем заслужил такое отношение?»

Как ни старался, Аркадий Александрович так и не смог вспомнить события минувшей ночи. Все заволочло плотным туманом, сквозь который прорывались отдельные реплики и неясные картинки, как кадры из недосмотренного фильма. Он плохо помнил даже саму Софью, в изнасиловании которой его подозревали. Ощущал что-то очень мягкое и податливое в своих руках, видел светлые волосы, чувствовал запах дешевого шампуня, но черты лица расплывались, словно стертые губкой, оставляя после себя только неясное белесое пятно. У них что, была связь?

Соболев не мог припомнить, с чего вдруг ему так приспичило, и он, бросив детей, поплелся в ночь за какой-то женщиной в гостиницу. Зачем? Господи, он был пьян, отвратительно пьян. Неужели он ее изнасиловал? На его груди были свежие царапины, которые врач, издевательски улыбаясь, показывал одному очень наглому оперативнику. Это что, свидетельство того, что она сопротивлялась? Ужас какой! В мире столько женщин, юных и обворожительных, способных подарить ему ласку и любовь, а он кинулся на какую-то белобрысую тетку из ресторана, внешность которой даже не удосужился запомнить. Да и лет-то ей сколько было? Тридцать? Сорок? Или больше? Полная нелепость.

И вот теперь он, человек с высшим образованием и научной степенью, сидит на табурете, привинченном к полу, в крошечном помещении с окошком под самым потолком и ждет. Чего?

– Аркадий Александрович, вы меня слышите?

В ушах звучал чей-то мягкий, участливый голос, очень непохожий на те, напоминавшие ему лай сторожевых собак, которые ему довелось здесь услышать. Соболев поднял голову и натолкнулся на сочувственный взгляд молодого человека в обычном костюме, без галстука.

– Ну, как вам здесь?

Усмешка исказила его губы. Что он мог ответить?

– Сигарету хотите?

Вообще-то Аркадий не курил. Давно бросил. Но сейчас сложилась ситуация, когда вдруг очень захотелось закурить снова. Он взял сигарету из рук молодого человека. Тот поднес зажигалку.

– Я – ваш следователь. Моя фамилия Чирков. Я буду вести ваше дело.

О боже! Неужели ему наконец повезло и его делом займется не один из тех негодяев, которые громко ржали, когда он снимал с себя трусы, а приличный молодой мужчина с правильным выговором и сочувственной улыбкой?

– Я понимаю, каково вам здесь оказаться. Вы – не наш типичный клиент, не какой-то там разбойник или бандит, вы человек, попавший в трудную ситуацию...

Соболев слушал и кивал головой: «Да. Да».

– Здесь, конечно, не сахар, – продолжал сочувствовать следователь. – Отвратительно пахнет. Отвратительно кормят. Здесь не место для таких, как вы. Если бы все зависело только от меня, я немедленно отпустил бы вас домой...

Аркадий вынул сигарету изо рта и в безмолвной надежде уставился на Чиркова.

– Многое будет зависеть от вас, Аркадий Александрович. Мы должны убедиться в вашей лояльности, в том, что вы желаете сотрудничать со следствием и сделаете все от вас зависящее, чтобы мы как можно скорее выяснили все обстоятельства вашего дела.

– Я готов, – сказал Соболев.

Следователю такая решимость понравилась.

– Вот и отлично. Давайте вспоминать все по порядку. Фамилия Кислова вам знакома? Софья Кислова?

Аркадий покачал головой.

– Нет. Мне ее называл оперативный работник, но я так и не мог вспомнить, кто это такая.

– Хорошо. Тогда мы пойдем другим путем. Что вы делали четырнадцатого октября? Меня интересует вечер.

– Четырнадцатого октября у моей жены был день рождения. Мы отмечали его в ресторане.

– Кислова была в числе гостей?

– Не помню. Может быть.

– Вы ушли оттуда с женой?

– Нет. Моя супруга... ее зовут... Впрочем, неважно. Жена уехала в аэропорт. Я остался с гостями.

– Вы пили?

– Пил, – честно признался Аркадий. – Мне кажется, я сильно выпил. Обычно я довольно равнодушно отношусь к спиртному, но тут на меня что-то нашло. Бес попутал.

– Как вы ушли из ресторана?

– Ко мне подошла какая-то женщина... Или я к ней подошел. Мы стали разговаривать. Хорошо так, душевно. Потом, кажется, пошли в бар и опять пили и разговаривали.

– Вы можете описать ту женщину?

Лицо Аркадия страдальчески исказилось.

– Можете мне не верить, но я вообще мало что помню. Кажется, она была блондинкой лет тридцати...

– Ей тридцать девять.

– Тридцать девять? Старше, чем моя жена? О боже мой!

Чирков сочувственно улыбнулся.

– Ну что же, бывает... А как вы оказались в гостинице?

– Не помню.

– Но вы же не будете отрицать то, что были в гостинице?

– Нет, конечно. Если меня забрали из гостиницы, глупо говорить, что меня там не было.

– Разумно. И что же там произошло? Вы решили приударить за вашей знакомой?

– Приударить?!

«Хорошо, что он так деликатен», – подумал Аркадий, вспоминая, какой лексикон использовали оперативники.

– Все-таки опишите ваши действия, Аркадий Александрович.

– Я не помню.

Следователь оперся спиной о стену и покачал головой.

– Эдак у нас с вами ничего не получится, – расстроился он. – Вы не хотите говорить. Что, по-вашему, я должен писать в протокол? То, что вы ничего не помните?

– Но я на самом деле ничего не помню! – взмолился Аркадий.

– Тогда придется вспомнить. – Следователь достал из папки какой-то лист и, прокашлявшись, начал читать: – «Соболев повалил меня на кровать и начал сдирать одежду». Правильно написано?

Аркадий Александрович нервно сглотнул:

– Это... это *она* написала?

– Да, я читаю выдержку из заявления Кисловой для того, чтобы вы вспомнили все как следует. Так вы сдирали с нее одежду?

– Не помню... – начал было Соболев, но, увидев выражение лица следователя, осекся. – В принципе утром я нашел на полу розовый женский пиджак с оторванной пуговицей. Так что не исключаю...

– Вот и правильно, – одобрил следователь и опять обратился к заявлению. – «Соболев сорвал одежду и с себя. На его правой груди я заметила родинку...» Есть такая?

– Есть, – обреченно сдался Аркадий.

– Конечно, глупо отрицать, когда у нас есть акт вашего освидетельствования. Врач нашел у вас и родинку, и свежие царапины на груди и внизу живота. Значит, Кислова сопротивлялась?

– Значит, сопротивлялась, – опустил голову Аркадий.

– А вы запоминайте, запоминайте, – назидательно заметил Чирков. – Потом все повторите для протокола допроса. Нам не нужны ваши всякие там «не знаю» и «не помню»... Вы изнасиловали Кислову дважды. Один раз в естественной и один раз – в извращенной форме.

– В извращенной?! – воскликнул Аркадий. У него даже не хватило смелости спросить, что же имеется в виду.

– Анальное совокупление, – тем не менее коротко пояснил Чирков, внимательно глядя на Аркадия. – Вы признаете эти факты?

– Но я же пояснял, что не помню.

– По-вашему, у гражданки Кисловой есть повод оговаривать вас?

– Наверняка нет. Мы ведь едва знакомы, – прошептал Соболев.

– Я тоже так думаю. Значит, женщина не обманывает?

– Не знаю, что и сказать.

– Просто подтвердите ее слова. Большого от вас и не просят, – предложил Чирков. – Вы не беспокойтесь, врач осмотрел потерпевшую. Ее слова совпадают с данными медицинского обследования. Так что вас никто не просит оговаривать себя.

– Но если я подтверждаю ее слова, меня отправят в тюрьму?

– Не думаю, – заверил его следователь. – Я отпущу вас под подписку о невыезде, а судья примет во внимание все ваши положительные характеристики с места работы, наличие детей, семьи...

– О боже! Значит, не удастся оставить это все в тайне?

Чирков пожал плечами.

– Процесс будет закрытым, поэтому обо всем узнает только ограниченный круг лиц. Так что я там говорил? Судья, учитывая вашу положительную личность и деятельное раскаяние, назначит вам условный срок.

– Это точно?

– Разумеется. Ну посудите сами, что вам делать в тюрьме?

Аркадий кивнул головой.

– А что там еще написано в ее заявлении?

Следователь передал ему бумагу, и Соболев начал разбирать неровные строчки, написанные торопливым почерком его ночной незнакомки. Не прошло и минуты, как он в сердцах бросил заявление на стол.

– Она пишет, что я хотел убить ее и скрыть тем самым следы преступления! – возмущенно воскликнул он. – Она пишет, что я душил ее. Это же бред!

– Почему вы говорите, что это бред, если, как утверждаете, ничего не помните? – спросил следователь, хитро прищутив один глаз. – Или все-таки что-то стали припоминать, а?

– Нет, я действительно ничего не помню! Но если я еще допускаю мысль, что по пьянке мог изнасиловать ее, то, хоть убейте, не могу себе представить, что собирался ее задушить. Я не преступник!

– Ну, хорошо, хорошо, – примиряюще откликнулся следователь. – Может, дамочка слегка сгустила краски. Мы, конечно, вам статью про покушение пока укажем. Не можем же мы игнорировать ее заявление! Но потом судья все это из обвинения уберет, и вы уйдете домой. Я тоже считаю, что вам незачем было ее убивать.

– Что от меня сейчас требуется? – устало спросил Аркадий.

– Всего ничего, – заявил Чирков. – Вы напишете заявление, в котором изложите события той самой ночи. Если плохо помните, можете указать все в общих чертах. Выпил, изнасиловал... Мы разберемся. А потом мы при адвокате вас официально допросим, и вы все повторите под протокол. Лады?

– Так, значит, у меня будет адвокат? – Аркадий словно почувствовал глоток свежего воздуха.

– Будет. Самый лучший, – заверил его следователь. – Хотите, я вам даже посоветую, кого пригласить? Шустрый защитник. Дела решает, как семечки щелкает. Кстати, бывший прокурорский работник. Вы с ним быстро найдете общий язык.

– Я в принципе согласен.

– Тогда вот вам бумага. Быстренько пишите свое чистосердечное признание, а я вызвоню пока адвоката. Да поспешите! Смотрите, какая погода на улице хорошая, – подмигнул Чирков. – К вечеру будете дома с женой чай пить...

Он осекся на последней фразе, видимо, посчитав, что вряд ли его подследственного дожидаются вечером чай и блины со сметаной из рук улыбочивой, всем довольной жены. Потом следователь смущенно крякнул и исчез за тяжелой дверью с круглым стеклянным окошечком посередине...

Глава 6

Аркадию Александровичу пришлось исписать за свою жизнь немало бумаги. Это были короткие заметки, проекты научных статей, деловые послания, письма, записки жене и детям. Но то, что он писал сейчас, сидя в душном боксе изолятора временного содержания, не шло ни в какое сравнение с тем, что ему доводилось сочинять, и вызывало в нем чувство, подобное омерзению.

«Мы познакомились с потерпевшей на банкете по случаю дня рождения моей жены» – образовалась на чистом листе первая фраза. Какой же он подонок, если на дне рождения жены знакомится с другой женщиной... И с кем! Немолодая, некрасивая, пухлая. Словом, рядом не стояла с его Викторией. Он вспомнил, какие здравицы пели ей собравшиеся на банкете гости, какими комплиментами осыпали ее. Безусловно, его жена заслуживала все те похвалы, которые получала. Вот только вряд ли она ожидала такой выходки от собственного мужа, который, воспользовавшись ее недолгим отсутствием, умчался за первой попавшейся ему на глаза юбкой.

«Мы пришли в номер, и я повалил Кислову на кровать, пытаюсь содрать с нее одежду». Так, что ли, просил написать следователь? Хорошо, что он не требует с него подробности, а великодушно разрешает ограничиться лишь общими фразами. «Я изнасиловал ее в естественной и извращенной форме», – написал он. Боже, до чего он дошел! Неужели ему придется описывать характер своих извращений перед судьей? А вдруг в зале будет жена? Или дети? Их, кстати, пускают в зал судебных заседаний? Следователь говорил что-то о закрытом процессе, но что это значит? Ему нужен адвокат. Ох как нужен... Наверняка это будет зрелый мужчина, закаленный в судебных баталиях, тот, кого не смутят тонкости весьма щекотливого дела. Он возьмет защиту на себя и избавит Аркадия от ненужных хлопот. «Изнасиловать, оказывается, легче, чем об этом написать», – подумал он, обливаясь потом. Ох, скорее бы пришел адвокат!

– Аркадий Александрович, – раздался вдруг голос следователя. – Простите, что потревожил вас во время работы над заявлением, но тут произошло маленькое недоразумение...

Чирков стоял в проеме двери, а за ним маячила невысокая женская фигурка. Соболев напрягся. С недавних пор он стал испытывать к женщинам суеверный страх.

– Это адвокат. Она собирается защищать вас. Говорит, что у нее заключено соглашение с вашей женой, – сообщил следователь.

– А как же защитник, о котором вы мне говорили? – спросил Аркадий.

– Вот о том я и беспокоюсь, – откликнулся Чирков. – Не думаю, что у вас есть необходимость сразу в двух адвокатах. Если наша договоренность в силе, мы сейчас уладим наше маленькое недоразумение и отправим девушку домой...

«Маленькое недоразумение», по всей видимости, обладала известной долей упрямства, поскольку не пожелала отправляться домой, а, протиснувшись между фигурой следователя и косяком двери, настырно влезла в следственный бокс.

– Простите, но у меня на руках ордер, я имею право поговорить с подследственным, – произнесла она загадочную фразу и сунула под нос следователю какую-то бумажку. Затем запоздало представилась: – Здравствуйте, я адвокат Дубровская.

Адвокатом оказалась хрупкая молодая девушка на длинных тонких ногах, вполне милая. Ее внешность, бесспорно, выиграла бы, если бы она отказалась от скучного делового костюма и такой же унылой прически. И то, и другое делало ее на несколько лет старше и солиднее. Впрочем, производимый эффект, по всей видимости, входил в планы бойкой стрекозы. Аркадий вспомнил себя в молодости. Будучи аспирантом, он специально отпустил бородку для того, чтобы не казаться своим ученым коллегам слишком «зеленым».

– Меня пригласила ваша жена, – сказала девушка, как только за следователем захлопнулась дверь. – Похоже, мы с вами когда-то встречались.

– Да, я, кажется, обращался к вам с пустяковым вопросом по поводу доверенности, – вспомнил Аркадий.

Это была почти мимолетная консультация, не оставившая после себя никаких ярких воспоминаний. Разве что номер, наспех записанный в телефонной книжке. Соболев даже не мог вспомнить, помог ли ему совет молодого адвоката.

– Вы хотите меня защищать? – с сомнением произнес он.

– Да, меня попросила ваша жена. Но если у вас на этот счет какие-то иные планы...

– Не то чтобы иные планы, но вы...

– ...так молоды? – закончила за него фразу Дубровская, повторив слова его жены. – Зато я энергична, умна и талантлива. А молодость – недостаток, который, как известно, быстро проходит.

– Нет, я хотел сказать другое. Вы – женщина.

– Вы что-то имеете против женщин?

– Нет, конечно, но... Вы в курсе того, в чем меня подозревают?

– В изнасиловании.

Соболев поморщился.

– Вот именно. И я с трудом представляю, как мы с вами будем обговаривать некоторые м-м-м... интимные детали моего поступка.

– От женщин вы все равно не уберезетесь, – предупредила его адвокатесса. – Неизвестно, какого пола будет судья, но секретарем, скорее всего, окажется молодая женщина. В процессе также появятся свидетели. А еще потерпевшая и, в конце концов, ваша жена.

– Ох, жена! – простонал Соболев. – Не говорите мне о ней... Хотя нет. Скажите, как она? Огорчена? Подавлена? Рассержена?

– Она не верит, – пояснила Дубровская.

– Я и сам не верю, – обронил Аркадий, отшвырнув ручку.

– Вы что-то пишете? – поинтересовалась адвокат.

– А... Ну да, чистосердечное признание.

Брови молодого адвоката подпрыгнули вверх.

– Вот как? Не ожидала. Признаете свою вину? Но вы не похожи на насильника.

Соболев смущенно кашлянул.

– Это, так сказать, тактический ход. Следователь обещал отпустить меня домой и зачесть мое чистосердечное признание как смягчающее обстоятельство.

– Чистосердечное признание – самая короткая дорога в тюрьму, – явно процитировала адвокатесса чью-то фразу, а потом уставилась на Соболева. – Все-таки я так и не поняла, что вы думаете по поводу того, в чем вас обвиняют.

– Мне трудно думать, – признался он. – Откровенно говоря, я в тот вечер перебрал по части спиртного. Помню лишь то, что уходил из ресторана с женщиной, с которой был едва знаком.

– Но вы насильовали ее?

– Да я не то что тела, даже лица ее не помню. Словно память отшибло.

– Что же вы тогда пишете?

Адвокат взяла в руки лист, исписанный на треть, и начала внимательно его читать. Дойдя до строчек «изнасиловал ее в естественной и извращенной форме», уставилась на него, как на привидение.

– Вот тут написано, что вы изнасиловали ее!

– Да. Мне так сказал следователь.

– А что, следователь тоже был там? – ехидно поинтересовалась «стрекоза».

– Нет, следователя в гостинице не было, – начал оправдываться Соболев. – Но он мне зачитал показания потерпевшей. Кроме того, не думаете ли вы, что следователь может лгать?

Дубровская отбросила в сторону листок.

– Аркадий Александрович! Извините за выражение, но вас просто разводят.

– Как «разводят»? – не понял Соболев.

– Как последнего лоха, – усмехнулась Дубровская. – Опять же извините за жаргон, обычно я использую более корректные выражения. Послушайте, я никак не могу понять, зачем вы, умный и образованный человек, подписываете то, что просит от вас следователь? Неужели вы считаете, что ваши интересы совпадают?

– М-м... – замялся Соболев, чувствуя себя полным дураком. – Но я привык доверять должностным лицам. Следователь Чирков – человек с высшим образованием и опытом работы. Неужели он решится на дешевые спекуляции?

– Существует определенная тактика расследования преступлений. Есть следственные хитрости, следственные ловушки. Вы попались в одну из них. Сейчас вы добровольно пишете признание в том, в чем вы абсолютно не уверены, рассчитывая, что так будет лучше для вас. Потом повторите ваши показания в присутствии адвоката, и хорошее основание для вашего обвинения уже готово.

– Но что же мне делать? – растерянно спросил Соболев.

– Говорить правду. Если правда состоит в том, что вы сильно перепили и ничего не помните, советую так и писать.

– Да, но тогда меня отправят в тюрьму!

– Вас и так туда отправят, – «успокоила» его адвокат. – Только, по замыслу следователя, после суда. Обвинение в изнасиловании и покушении на убийство – это вам не шутки! Но в случае, если вы не дадите признательных показаний, у нас есть шанс доказать, что вы вообще невиновны.

– Невиновен?! – обрадовался Аркадий.

– А почему нет? Ночь, проведенная с женщиной, не являющейся вам женой, еще не преступление. Разумеется, если на то была ее добрая воля.

– Вот только она утверждает, что все случилось насильно.

– Но мы ведь можем ей не поверить? Я не думаю, что вы за волосы притащили дамочку в номер, игнорируя вопросы администратора и горничных.

– Вообразить такое моей фантазии тоже не хватает, – признался Соболев. – Однако у меня на теле есть свежие царапины.

– Это не очень хорошо, – на минутку задумалась адвокат, но потом ее лицо просветлело. – Но все-таки не столь трагично. Есть пары, которые, занимаясь сексом, допускают некоторое насилие, и им оно даже нравится.

– Господи! Вы-то хоть замужем? – воскликнул Соболев. – У меня такое чувство, что, говоря с вами, я уже совершаю преступление.

– Не беспокойтесь, я вполне совершеннолетняя, – улыбнулась Дубровская. – И вы правы, я замужем.

Девчонка уже почти нравилась Аркадию. Ну, в смысле не как женщина (хотя почему бы и нет?), а как человек, подаривший ему надежду. Правда, он осознавал, что руку помощи ему протянула жена. Виктория – святая женщина!

– Да, но что мы теперь будем делать? – спросил он.

– Теперь мы уничтожим вашу писанину и обговорим детали будущих показаний, – предложила Дубровская. – Как вам мое предложение?

– А что, у меня есть выбор? – спросил он.

– Разумеется, нет...

Глава 7

Следователь Чирков с сожалением посмотрел на скомканный лист бумаги, на котором ежились первые строчки чистосердечного признания, так и не дописанного Соболевым.

– Итак, вы решили сменить тактику защиты и доказывать теперь свою невиновность? – в его тоне появились ледяные нотки.

Аркадий замялся, но реплика адвоката его опередила:

– Совершенно верно. Поскольку та линия поведения, которую вы навязали моему клиенту, не могла быть названа защитой. Это был самооговор.

Следователь оставил выступление адвоката без ответа и еще раз взглянул на Соболева. В его глазах читалось искреннее сожаление.

– Ну, как же так, Аркадий Александрович? Я думал, что мы поняли друг друга. Вы решили оказать содействие следствию...

– Подозреваемый вправе не оказывать вам никакого содействия, и данное обстоятельство никак не усугубит его вину, – влезла Дубровская.

Чирков сделал вид, что глух и слеп.

– А я уже договорился с защитником. С отличным, между прочим, адвокатом. Неужели вам так безразлична ваша судьба?

Соболев начал проявлять признаки беспокойства. Может быть, его адвокат на самом деле молода и неопытна и не видит, что следователь желает ему только добра? Стал бы он иначе тревожиться по поводу защитника...

– Господин следователь, не тратьте красноречие, адвокат у подозреваемого уже есть, – с милой улыбкой молвила Дубровская. – И не водите его за нос, вы никогда не пригласите ему сильного защитника. Вы в подобном не заинтересованы.

– Ох уж эти женщины! – патетически произнес Чирков, по-прежнему как бы не замечая ее присутствия. – Мне всего лишь казалось, что иметь дело с защитником-мужчиной вам будет намного проще...

Аркадий готов был с ним согласиться.

– Ну, сами подумайте, ведь подробности произошедшего совсем не для женских ушей, – продолжал увещевать его следователь. – Конечно, мы будем выражаться предельно корректно. Но суд будут интересовать малейшие детали той ночи. Надеюсь, вы понимаете? Назову лишь некоторые вопросы из тех, что возникнут у суда... Каким образом вы насильвовали жертву? Как долго? Каковы особенности ваших половых пристрастий? Как вы относитесь ко всякого рода извращениям в данной сфере? Часто ли практикуете, так сказать, нетрадиционный секс?

Соболев облизнул пересохшие губы.

– А нельзя как-нибудь обойтись без всего этого?

– Можно было бы, если бы вы, к примеру, совершили разбой или грабеж. Но здесь, вы понимаете, дело щекотливое. Так сказать, интимного свойства. А защитник у вас – женщина...

– Полагаю, что господин Соболев только выиграет, если перед судом будет стоять защитник-женщина, – внесла свою лепту в разговор Дубровская. – Мужская коалиция в делах такого деликатного свойства вызовет только реакцию отторжения у судьи-женщины, ведь она невольно начнет себя отождествлять с потерпевшей. А если даже судьей окажется мужчина, психологически ему проще будет воспринимать доводы от защитника-женщины.

– Решено, – проявил наконец характер Соболев. – Пусть остается этот адвокат Дубровская. Кроме того, ее прислала моя жена. Вы же представляете, что я чувствую по отношению к ней? Я благодарен ей за заботу и не имею ни малейшего желания ее заботой пренебрегать.

– Дело ваше, – обиделся следователь. – Вы сами увидите, что из этого выйдет...

Время тянулось невыносимо долго. Стрелки на часах в кабинете отсчитывали круг и, вздрагивая на числе «двенадцать», продолжали свой нескончаемый путь. Виктория сидела перед компьютером, тщетно пытаясь набрать текст статьи, материал для которой был найден уже давно. Работа, которая обычно захватывала ее с головой, теперь никак не клеилась. Фразы казались неуклюжими, словно высеченными топором, а тема надуманной и совсем неинтересной. Наконец Соболева поймала себя на мысли о том, что думает совсем не о работе, и ей, по большому счету, наплевать, интегрируются ли Россия и Белоруссия в международные экономические отношения. Ее взгляд безнадежно застревал на часах, которые показывали уже шесть. Конец рабочего дня. Интересно, означает ли это, что рабочий день следователя и адвоката тоже закончен? Закрыт ли теперь изолятор, в котором, как ей говорила Дубровская, содержат ее мужа?

Она соскочила с места. Ну конечно! С минуты на минуту должен появиться Аркадий. Как она встретит его? Разумеется, никаких упреков, резких слов. Это не ее стиль. Муж попал в переplet, и, естественно, понадобится время для того, чтобы разрешить недоразумение. В том, что супруг невиновен, Виктория не сомневалась. Главное, чтобы дурные вести не проникли в прессу. Запятнать репутацию легко, вот только отмываться потом придется всю жизнь. «Дыма без огня не бывает, – говорят обыватели и качают головой. – Разве так бывает, чтобы невинного человека обвинили в преступлении?» Судя по истории, подобное случалось. Вспомнить хотя бы репрессии прошлых лет, о которых вели речь студенты на последнем заседании научного кружка.

Но то были дела «врагов народа», которых обвиняли в чем угодно, но не в изнасиловании женщин. А тут... Срам-то какой! Грешно сказать, но Виктория предпочла бы, чтобы ошибка следствия была не такой... обидной. Ну, есть же в Уголовном кодексе приличные статьи! Откровенно говоря, по сравнению с изнасилованием ей все статьи казались теперь приличными.

Был у них в университете случай, когда преподавателя обвинили во взятке – тот принял от студента небольшую сумму за сданный экзамен при полном отсутствии знания предмета. Тогда происшествие казалось ей концом света и позором несмыаемым. А теперь? Почти что ерунда! Во всяком случае, там можно активно защищаться, требовать реабилитации в прессе. О таком же паскудстве, как изнасилование, лучше говорить шепотом, на кухне...

Виктория подошла к большому зеркалу в золоченой раме и внимательно оглядела себя. Смотрится неплохо. Вот только глаза горят лихорадочным огнем, но это можно объяснить радостным возбуждением от возвращения супруга домой. Ей не хотелось, чтобы Аркадий увидел ее нервной, встревоженной. Еще решит, что она поверила во всю ту чепуху, в которой его обвиняют. Итак, спокойствие, только спокойствие...

Телефон взорвался трелью, и Виктория подбежала к нему, чувствуя, что дрожь помимо воли все-таки охватывает ее. Наверняка это Аркадий. Вот только почему он звонит, когда его так ждут дома? Быть может, он хочет узнать, что стоит купить в магазине к ужину? Так бывает...

– Аллю?!

– Боже, что ты так кричишь? – Голос матери звучал укоризненно. – Надеюсь, у тебя все нормально?

– Я не подумала, что это ты, мама, – произнесла Виктория.

– Интересно, чей же звонок может тебя так завести? – усмехнулась пожилая женщина. –

Я так понимаю, вся семья в сборе и рассматривает фотографии из Праги.

– Что-то около того, – соврала Соболева.

– Чудесно. Как Аркадий?

– А почему ты спрашиваешь, мама? – Виктория постаралась скрыть беспокойство. – Что может случиться с Аркадием?

– Дети сказали, что он уехал на какую-то конференцию. Большого я от них добиться не смогла. Куда его унесло на сей раз?

Какая мука, когда твои родители – профессора! Виктория наговорила бы сейчас семь верст до небес, да вот только ее мама раскусит обман в два счета.

– Он в Казани, – все же решила Виктория.

– О, как я люблю Казань! – восторженно ответила трубка. – А где он там остановился?

– Наверняка в гостинице.

– В какой?

– Понятия не имею.

– Непростительное легкомыслие. Возьми бумагу и запиши телефон профессора Рахмангулова. Он – наш замечательный друг. В прошлый раз мы принимали его с женой у нас дома. Думаю, он будет рад встретиться с Аркадием.

– Но, мама, Аркадий не любит навязываться. Он чувствует себя комфортнее в гостинице, – взмолилась Виктория.

– Не говори чепухи! Кому, ради всего святого, нравится жить в гостинице? Кроме того, жена Рахмангулова делает отличные беляши.

– Аркадий заботится о фигуре!

– А я забочусь о его желудке. Бери, говорю, бумагу и пиши.

Виктория поняла, что переупрямить мать ей все-таки не удастся. Ладно, она скажет, что не смогла до мужа дозвониться. Или у Рахмангуловых был занят номер. А потом Аркадий вернется. Ей нужно только выиграть время...

Когда на следующее утро первые солнечные лучи позолотили корешки книг в кабинете, Виктория открыла глаза. Она по-прежнему находилась здесь, а не в своей супружеской спальне. Аркадий не пришел, и новый шелковый халат, который она специально надела ради их встречи, смялся. Тело затекло от нескольких часов, проведенных на неудобной кожаной кушетке, и Виктория чувствовала себя так, словно ее переехал трактор.

Разминая онемевшие ноги, она с трудом сделала несколько шагов. Так и есть! Из зеркальной рамы на нее смотрело хмурое лицо, которое сегодня демонстрировало все ее тридцать семь, если не больше. Серые тени легли под глазами, словно кольца. Кожа казалась несвежей, изможденной.

Виктория помнила, как сидела до полуночи в кресле, тщетно пытаясь набрать номер адвоката. Но телефон отзывался противным женским голосом: «Надеемся на ваше понимание!» Да нет у нее никакого понимания, пусть и не надеются! Почему не отпустили Аркадия? Что это значит? Да и адвокат хороша, ничего не скажешь. Могла бы позвонить, в конце концов. Потом Виктория перебралась на кушетку и, подоткнув под спину подушку, продолжала ждать заветного щелчка двери. Но темнота за окном стала только гуще, а в квартиру на пятом этаже так никто и не пришел...

Телефон звонил не переставая.

– Алло! Это Валька. Ты что, решила больше не бегать по утрам?

– Нет, милая. Я просто немного приболела...

– Алло! Учебный отдел беспокоит. По каким дням раскидать ваших заочников?

– Делайте все, как обычно. Я не буду вносить изменений.

– Алло, Виктория Павловна! Это ваши дипломники. Вы проверили работы? Можно с вами встретиться?

– Перезвоните в конце недели. Я очень занята.

И подобная дребедень – целый день! Так, кажется, писал детский классик. Но звонка, который она ждала больше всего на свете, все не было и не было...

Дубровская объявилась во второй половине дня. Каким образом она отыскала ее в огромном университете, Виктория спрашивать не стала. Вместо того вскинула на адвоката усталые глаза и возмущенно воскликнула:

– Где вы были? Я все телефоны оборвала, пытаюсь дозвониться до вас!

Коллеги на кафедре удивленно переглянулись и в полном недоумении уставились на Дубровскую. Им стало интересно, кем является молодая женщина, ради которой известная своим хладнокровием Виктория Соболева оборвала все телефоны.

– Я была в изоляторе временного содержания, – начала отвечать гостья, но тут же осеклась. Похоже, их беседу слушают все присутствующие – на кафедре наступила выжидающая тишина. Даже секретарь бросила терзать компьютерную клавиатуру.

Соболева схватила адвоката за рукав, увлекая за собой. Они едва не вприпрыжку проследовали по огромному, наполненному студентами коридору, спустились по лестнице вниз и наконец зашли в небольшую, заставленную от пола до потолка стеллажами комнату.

– Здесь нам никто не мешает, – сообщила Виктория. – Хотя впредь я предпочла бы, чтобы вы навещали меня дома. У меня нет желания выставлять мою личную жизнь на обозрение коллег.

– Очень вас понимаю, – кивнула головой Елизавета Дубровская. – Мы освободились поздно, поэтому я не стала тревожить вас вчера.

– Можно подумать, я могла уснуть! – воскликнула Соболева. – Ну ладно... Где Аркадий?

– Собственно, за этим я к вам пришла. Нужны деньги.

– Но мы же обговорили вчера ваш гонорар!

– Я не о гонораре. Речь идет о залоге.

– Залог чего? – бестолково спросила Виктория.

– Залог – мера пресечения, которая избирается судом. Она принимается для того, чтобы обеспечить нормальное поведение вашего мужа в период следствия.

– Что еще за нормальное поведение? Аркадий – не малое дитя, он всегда ведет себя нормально! – возмутилась Соболева.

– Это знаете вы. Ну и я. Следствие же должно быть уверено в том, что он не сбежит, находясь на свободе, и не станет делать глупости.

– Глупости?

– Ну, к примеру, не начнет угрожать потерпевшей, уговаривать свидетелей, уничтожать вещественные доказательства...

– Господи боже мой!

– Вашему мужу предъявлено тяжкое обвинение, и следователь не уверен в том, что он будет вести себя правильно. К сожалению, пока речи о подписке о невыезде не идет. Есть надежда, что его выпустят под залог. В противном случае он будет находиться под стражей до суда.

– Подождите, как там Аркадий? Как он чувствует себя? Как выглядит? – спохватилась Виктория.

Из ее глаз едва не брызнули слезы. Она вдруг представила себе бледное, изможденное лицо мужа. Такими люди обычно становятся в больницах.

– Он передавал вам привет. Держится молодцом. Не жалуется, – пояснила Дубровская. – Мы вчера много общались и выработали, как я надеюсь, единственно верную линию защиты.

– И в чем она состоит, ваша линия защиты? – спросила Вика, смахивая слезинку с ресницы. Ей полегчало уже от того, что Аркадий чувствует себя неплохо и с ним налажена связь.

– Он будет категорически отрицать покушение на убийство и само изнасилование, – объяснила Дубровская.

– Ну, такую линию защиты могла выработать и я, – со слабой улыбкой молвила Виктория. – Разумеется, мой муж не совершал ни того, ни другого. Он – не преступник.

– Да, он совершил половой акт с женщиной с ее согласия, и ни о каком насилии здесь не может идти и речи.

– Простите...

Виктории показалось, что в темном помещении, в котором они разговаривали, вдруг вспыхнула люстра в тысячу свечей.

Дубровская непонимающе смотрела на нее.

– Что-то не так?

– Вы... вы сейчас сказали, что Аркадий... будто бы он совершил... ну это... с той женщиной... – Ее голос был похож сейчас на детский лепет, и она заранее ненавидела себя за вопрос, который хотела задать.

Дубровская опомнилась:

– Простите. Должно быть, я вела себя бестактно, грубо. Как адвокат, я сосредоточилась, разумеется, на самом сложном и значимом для защиты: на обвинении вашего мужа в изнасиловании и покушении на убийство. И как-то не подумала о том, что сам факт физической измены причинит вам боль.

– Так, значит, он... спал с другой женщиной? – тихо спросила Вика.

– Боюсь, что так, – с паузой ответила адвокат. – Видите ли, его задержали в гостиничном номере, прямо в постели, где он...

– Понятно, – кивнула Соболева, – можете не продолжать. Я не горю желанием услышать подробности.

Дубровская чувствовала себя так, словно ее саму уличили в измене. Не знала, как продолжать разговор и тем более вести речь о залоге. Соболева вспомнила об этом сама – деловито, словно ничего и не произошло, спросила, взглянув на адвоката:

– Так сколько, говорите, понадобится денег на залог?

– Сегодня вопрос будет решаться судом. Вы, конечно, можете туда не ходить. Я сама...

– Я приду, – только и сказала Виктория. – Я смогу там увидеть Аркадия?

– Ну, да... Это будет решаться в его присутствии. Боюсь, правда, вам не дадут возможности пообщаться.

– Неважно. Мне просто нужно увидеть его и убедиться в том, что он жив и здоров.

– Воля ваша. Но, может, стоит подождать? Как только деньги будут внесены на депозит суда, его выпустят, и вы сможете встретиться нормально, без следователя и конвоиров.

– Не беспокойтесь за меня. Я все-таки приду...

Рассмотрение вопроса о залоге должно было состояться в одном из районных судов, находящихся в непосредственной близости от следственного управления. Виктория подъехала туда загодя и, показав паспорт охраннику на входе, зашла в помещение суда.

Ей раньше не доводилось бывать в подобных заведениях, и сейчас она чувствовала себя так, словно только что ступила под своды храма. Нет, это не было то благоговейное чувство, которое сопровождало ее обычно во время посещений в обители Бога. Но Виктория чувствовала священный ужас, находясь в месте, где вершатся человеческие судьбы, где легким взмахом пера (вернее, нажатием клавиш на компьютере), решается, какова должна быть кара тому, кто преступил закон. Соболева всегда знала, что мир насильников и убийц, судов и тюрем существует, но теперь их орбиты пересеклись. И сейчас она здесь для того, чтобы услышать, сколько денег с нее потребуют для того, чтобы она имела возможность видеть своего мужа до суда. До суда... А что, кстати, будет потом?

Дубровская находилась уже там. Должно быть, она не особо одобряла идею своей клиентки посетить заседание суда, потому что только покачала головой, когда Виктория подошла к ней. Говорить, собственно, было не о чем. Так две женщины и стояли, и смотрели в окно, где под порывами осеннего ветра раскачивались тополя.

Вдруг с громким стуком открылась дверь одного из судебных залов.

– Посетителей попрошу освободить проход! – крикнул мужчина в серой форменной одежде, и в проеме показалась человеческая фигура.

Сначала Виктория решила, что у гражданина нет рук, но потом она поняла, что верхние конечности у него, конечно, имеются, только они спрятаны за спиной и заключены в наручники. Посетители суда жались к стенке, словно боялись, что невесть откуда взявшийся ээк накинется на них тут же, как дикий зверь, и разорвет на части. Ну, или хотя бы укусит. Бабуля в пестром платке даже перекрестилась.

Заключенный не успел преодолеть и половины коридора, как из того же зала, громко стуча каблуками по выложенному плиткой полу, выскочила молодая женщина. С криком: «Витенька! Витюша!» – она бросилась вслед за мужчиной в наручниках. Тот, вполборота повернувшись, буркнул ей: «Дите береги! А то ты меня знаешь, у меня рука тяжелая». Женщина остановилась, кивая головой. «Я люблю тебя!» – крикнула она. Человек в наручниках только дернул головой.

Свидетели душеспитательной сцены зашептались. Старушка утерла слезу.

– Семь лет, говорят, дали. Не шутка! – шепнул кто-то.

Одна лишь Виктория почувствовала легкую досаду. И, пожалуй, тошноту. Комедианты! Может, ее сердце выточено из камня?

Она ничуть не поверила игре актеров. Слишком уж ярко накрашена и разодета была молодая женщина. Ее бронзовое от загара лицо красноречиво свидетельствовало о том, как красotka провела лето. И, судя по бледному челу ее супруга, на пляже они загорали не вместе. Однако и в нарочито строгой реплике молодого мужа Виктория не услышала искренности. Тот, очевидно, играл на публику, стреляя внимательным взглядом по лицам случайных свидетелей – так ли звучат его слова, достаточно ли мужественно?

Двое в коридоре являли собой яркий образчик этакой тюремной пары. Виктория ужаснулась: какую роль отведено сыграть ей? Конечно, она не станет нестись по коридору, теряя с ног туфли. Ее с детства учили быть сдержанной и не демонстрировать окружающим свои чувства. «Слезы, смех – всего самую малость, дорогая, – говорила ей мать, профессор Андриевская. – Слишком бурные эмоции – признак бескультурья». И теперь Виктория понимала, что родительское воспитание вошло ей в плоть и кровь, стало частью ее самой. И, что бы с ней ни приключилось, она не будет рыдать навзрыд, призывая в свидетели окружающих.

Да и, если сказать по правде, не слишком-то она нуждается в чьей-то поддержке. В помощи – быть может. Но в сочувствии и сопереживании – нет. Она, Виктория Соболева, привыкла встречать невзгоды лицом к лицу...

Глава 8

Лицо судьи казалось бесстрашной маской. За долгие годы работы он научился абстрагироваться от всего того, что происходило в зале судебных заседаний. Но к каждому делу подходил профессионально: выяснял обстоятельства происшествия и позиции обвинения, защиты; опрашивал свидетелей; рассматривал вещественные доказательства; выслушивал пылкие речи сторон. Но когда приходило время, он отправлялся в совещательную комнату и недрогнувшей рукой подписывал приговор. Все эти рыдания в зале, истеричные выкрики, обмороки и прочие сопли звучали в его ушах фоном, и судья считал их неизбежным сопровождением своей работы. Так рабочий, изо дня в день выслушивая дребезжание станка, просто не представляет себе, как можно вытачивать деталь в абсолютной тишине.

Но сегодня тут было на что посмотреть и чему удивиться.

– Место работы? – спрашивал он обвиняемого.

– Работаю в университете, преподаю социологию, – отвечал тот. – Я доктор наук, профессор.

Это было что-то новенькое. Конечно, на скамью подсудимых иногда случайным ветром заносило людей ученых и известных. Но, как правило, они шалили по своей профессиональной части – взяточничество, халатность, превышение служебных полномочий. Но никак не изнасилование с попыткой убийства. Сегодняшнее дело нечто из ряда вон...

Судья смотрел на подсудимого и пытался себе представить, как сидящий на скамье подсудимых гражданин интеллигентного вида (может быть, сейчас и несколько потрепанный, изможденный) делал то, на что способны разве прыщавые подростки в силу своей неудовлетворенной сексуальности. А у него, у этого профессора кислых щей, есть жена. И какая! Стройная, красивая, молодая. Чего ему, спрашивается, так приспичило? Жаль, что он так и не узнает причины, да и не посмотрит на ту, ради которой уважаемый в обществе человек буквально сошел с ума, – судебное разбирательство, по правилам, будет проводиться другим судьей.

А на нынешнем заседании речь шла всего лишь о залоге.

– Ваша честь! Предложенная обвинителем сумма является слишком огромной, – говорила молодая женщина, адвокат. – Давайте будем иметь в виду, что семья моего клиента не живет на средства от собственного бизнеса. Обвиняемый – профессор университета. Его жена – тоже доктор наук и преподает там же. Это семья обычной русской интеллигенции, которая, как известно, не может похвастаться большими заработками.

Прокурор скривился при упоминании об интеллигентах. Должно быть, он хотел напомнить своему пылкому оппоненту о грязных делишках скромного российского ученого, но вовремя спохватился. Юмор в зале судебного заседания – вещь опасная.

– Соболев обвиняется в совершении тяжкого преступления, ваша честь! – заметил только он. – Обвинению нужны гарантии того, что этот человек не ринется в бега, испугавшись того, что совершил. Или, чего доброго, не попытается воздействовать на потерпевшую.

– Профессор Соболев слишком занят в университете. И у него двое несовершеннолетних детей. Ему некогда заниматься глупостями, – парировала адвокат.

– Для одной такой глупости он все же время нашел, – не выдержал прокурор.

Судья пропустил вольность государственного обвинителя мимо ушей, задумчиво рассматривая жену обвиняемого. Эффектная, безупречно причесанная и со вкусом одетая, она держалась безукоризненно. Только легкая синева под глазами говорила о том, что женщина – не бесчувственный манекен с витрины модного магазина, а живой человек, для которого сегодняшнее заседание – большое испытание. Первое испытание. А что будет позже? Вызовы на допрос к следователю, а потом в судебное заседание. Долгие очереди с надеждой на свидание. Передачи. Короткие письма. Разумеется, народная молва, шепоток за спиной: «Вы слы-

шали, что случилось с ее мужем?» Возгласы: «С ума сойти! Неужели правда?» Притворное сочувствие: «Бедняжка!» А в глазах любопытство: «Так как, говорите, все там было?» Огласки не избежать, даже если дело вдруг будет прекращено. Как говорится: «Пропавшие ложки нашлись, а осадочек-то остался». Выдержит ли эта красивая женщина косые взгляды, перемешки, болезненное любопытство? Выдержит или сбежит из семьи?

Что до судьи, то он не желал быть ее палачом. Слушал препирательства сторон и ловил себя на мысли, что думает о чужой жене. Ему не было дела до обвиняемого, жалкого дурачка, не оценившего того счастья, которым он обладал. Соболеву не нужен был адвокат. Конечно, претензии судьи были не к молоденькой защитнице, стоявшей насмерть за интересы своего клиента. Судья думал, что профессору не нужен был адвокат, потому что он у него уже имеется. Его жена могла просто сидеть в зале, не произнося ни единого слова. Одним своим присутствием она защищала его. И дело, пожалуй, было не только в красоте. За долгие годы службы судья видел всякого рода красоток, льющих слезы или ругающихся в голос. Но такого удивительного сплава внешнего совершенства, достоинства и мужества, несмотря на глубоко переживаемое горе, он не встречал никогда. Ему захотелось вдруг сделать нечто для того, чтобы эта красивая умная женщина вдруг сбросила с себя оковы оцепенения и улыбнулась ему. Но что он мог сделать для нее? Важнее ее прекрасных глаз был только профессиональный долг. И все-таки...

– Ну, какова сумма залога?! – восклицала Дубровская, теребя свою клиентку. – Судья учел все мои пожелания, установив нижний предел. Я о таком и мечтать не могла! Вот что значат правильно подобранные доводы. Ну же, Виктория Павловна, скажите что-нибудь!

Что Соболева могла сказать?

– Я рада, – улыбнулась она одними губами.

Но из ее глаз не исчезла печаль. С ума сойти, она рада тому, что ее мужа отпускают до суда под залог! Раньше ее радовали совсем другие вещи. Например, книжная новинка в магазине, удачное выступление ее воспитанника на студенческой олимпиаде, собственная монография, еще пахнущая типографской краской. Времена меняются...

– Все очень, очень хорошо! – радовалась адвокат, словно Соболева вдруг вчистую оправдали. – Вы внесете деньги на депозит суда, и ваш супруг окажется дома.

– Неужели это произойдет не сейчас? – удивилась Виктория, понимая, что они по-прежнему стоят в судейском коридоре. Она ожидала, что буквально сейчас из зала выйдет Аркадий, и они как ни в чем не бывало отправятся домой. Возможно, под руку.

– Нет, – терпеливо втолковывала ей Дубровская. – Его отпустят только после того, как вы внесете деньги. Понимаете, это же залог! Утром деньги – днем выйдет Аркадий.

«Утром деньги, днем – стулья. Днем деньги – вечером стулья. Вечером деньги – ночью стулья», – припомнились ей совсем некстати строчки из известной отечественной комедии.

– Значит, деньги... – задумчиво произнесла она.

– Ну, конечно. Совсем небольшая сумма, и ваш муж на свободе!

Что же, она была готова заплатить за свободу Аркадия. Вот только сумма... Конечно, на взгляд адвоката, она невелика. Но Виктория недавно вернулась из поездки за границу, где немного поиздержалась. На счету денег почти нет. Есть мелочь на продукты, бензин, оплату репетитора по английскому. Почему у нее нет суммы, как у всех нормальных людей, на черный день? *Потому что она верила в то, что он никогда не настанет...*

Где взять деньги? Дождаться зарплаты? Но ее будет недостаточно. Кроме того, Аркадию придется «париться на нарах» еще неделю, что уж точно никуда не годится. Можно было, конечно, попросить займы у матери. Профессор Андриевская слыла рачительной хозяйкой, у которой припрятаны деньги в шкатулочке из палисандрового дерева – на всякий случай. Но, подумав, Виктория отбросила и эту затею. Мать наверняка начнет ее расспрашивать об Арка-

дии, профессоре Рахмангулове и Казани. Конечно, серьезного разговора с матерью не избежать, но всем будет лучше, если он произойдет позже. Не сейчас, когда голова Виктории забита хлопотами по освобождению Аркадия. Дотошные расспросы, восклицания и хватание матери за валидол никак не помогут, а даже наоборот, только выведут из равновесия. Виктория знала, что держится уже из последних сил, как туго сжатая пружина. Одно неосторожно сказанное слово, одна бестактная реплика, и она, ослабив контроль, вытолкнет наружу все, что копилось внутри. Но пока не время. Нужно еще подождать...

Идея пришла внезапно. Она набрала номер Вальки.

– Алло!

– Валечка, считай, тебе повезло. Я решила тебе уступить полушубок из стриженной норки, – нарочито веселым тоном сообщила она. Виктория всегда так говорила с Валентиной, что было разительным контрастом по сравнению с заунывными интонациями подруги.

Долгая пауза.

– Валечка, вспомни, ну тот самый, абрикосового цвета. Тебе он очень нравился. Помнишь, ты спрашивала цену?

В трубке раздался протяжный стон.

– Да, но у меня таких денег нет.

Черт! У кого она решила просить? Это же Валька!

– Я тебе говорила цену за новую вещь. Но я ее носила сезон. Так что, конечно, скину несколько тысяч, не беспокойся, – схватила за спасительную соломинку Виктория.

– Сколько? Мне нужно знать.

– Вычитай десять тысяч.

– И не подумаю, – отозвалась трубка.

– Ну, двенадцать. Валька, побойся бога, я надевала полушубок всего несколько раз. Вещь практически новая.

– Сама говорила, что не новая.

– Тогда сколько же?

– Минус двадцать. – В голосе слышалось ожидание.

Но это же все равно что отдать шубу даром! Но, вспомнив про то, что Аркадий сидит в камере с уголовниками, пока она торгуется, желая выгадать лишнюю копейку, Виктория почувствовала угрызения совести.

– Согласна, – сказала она, сжигая мосты. – Только деньги мне нужны как можно скорее.

– Получишь завтра.

– Сегодня, – жестко сказала она. – Или завтра я отнесу шубу в ломбард.

– Да что с тобой случилось? – всполошилась Валька. – Тебе что, срочно понадобились деньги?

Похоже, она выдала себя.

– Да нет же, Валечка! – беспечно ответила Виктория. – Просто хочу как можно быстрее от нее избавиться. Видишь ли, Аркадий собрался мне сделать подарок, нужно же его подтолкнуть к правильному решению.

– Везет же некоторым... – сердито засопела в трубку Валька.

– Мне всегда везет, – отозвалась Виктория.

Неизвестно, почему на нее так подействовала завистливая реплика подруги, но чувствовала она себя сейчас намного лучше. Вынимая из шкафа чехол с полушубком, даже напевала себе под нос. Конечно, на дворе октябрь, и, если рассуждать здраво, шубка ей понадобится уже через месяц. Но в месяце так много дней... Виктория верила, что недоразумение с Аркадием скоро разрешится, кошмар развеется, как сизый дым в синем небе, не оставив после себя даже следа...

Глава 9

Аркадия выпустили на следующий день, где-то в районе обеда. Виктория вернулась домой вечером после занятий и, только повернув ключ в замке, поняла, что муж дома. Его комнатные туфли уже не стояли у порога, как было в его отсутствие. Казалось, квартира наполнилась вдруг новыми звуками и запахами. В детской весело гомонили дети. Где-то работал телевизор. В воздухе витали запахи жаркого, причудливо перемешиваясь с ароматом мужского одеколona.

– Пожалуй, я немного переборщил с парфюмом, – виновато улыбаясь, проговорил Аркадий.

Виктория кивнула. Конечно, ему захотелось смыть с себя грязь прошедших дней, и он не удержался от того, чтобы не заглушить вонь изолятора половиной флакона одеколona. Но ей не хотелось думать об этом. Ей хотелось думать о том, что ничего не произошло, и вот она возвращается, как обычно, с работы, и ее встречают любящий муж и дети. Как было раньше. И как не будет уже больше никогда.

Почувствовав слабость в ногах, Виктория прислонилась к деревянной арке. Она даже не потрудилась снять с себя туфли.

– Ну и ну! – раздался громкий голос, и из кухни появилась ее мать в клетчатом переднике с вилкой в руке. – Наконец вся семья в сборе. Хочу сказать, что вы разъездились, дорогие родители. Одну, видишь ли, унесло в Прагу, другого – в Казань. А как же дети?

– В Казань? – непонимающе спросил Аркадий. Но, поймав настороженный взгляд жены, быстро опомнился: – Ах да, Казань...

– Ну и как там профессор Рахмангулов? – встряла теща.

Он вопросительно взглянул на жену. Та тихонько покачала головой.

– Я решил не останавливаться у него, – нашелся Аркадий, – всегда себя увереннее чувствую в гостинице. Но ничего не имею против того, чтобы он навестил нас со своей супругой. Люблю, знаете ли, чувствовать себя хозяином. Положение гостя меня угнетает.

Виктория облегченно вздохнула. Кажется, ее ложь с поездкой мужа в Казань останется пока неразгаданной. И слава богу! Им с Аркадием есть о чем поговорить, и вовсе некстати, чтобы в их разговор встревала мать. Виктория предпочла, чтобы профессор Андриевская навестила внуков, как обычно, в выходной, а не посередине недели, да еще в тот день, когда вернулся Аркадий.

Но мать о размышлениях дочери, конечно, не подозревала, потому что говорила без умолку.

– Заглянула в холодильник, а там – пустота! – вещала она, забирая на себя все внимание. – Виктория, что у тебя ели дети сегодня на завтрак?

– Дети? – спросила Соболева, словно только сейчас узнав, что у нее, оказывается, есть еще и дети. Все эти дни они ходили по дому на цыпочках, не понимая, что происходит, и боясь потревожить мать.

– Виктория, ты же знаешь, что растущему организму требуется сбалансированное питание. Нужно количество белков, жиров и углеводов. Умственная деятельность во многом зависит от...

Мать продолжала отчитывать Викторию, но слова отлетали от ее сознания, как горох от стенки. Она смотрела на Аркадия, пытаясь осознать суть перемены, но так и не понимая, что все-таки произошло. Муж был таким, как прежде. Тот же самый домашний халат, те же комнатные туфли, тот же самый запах одеколona, очень знакомый, навевающий целый сонм воспоминаний. Он гладко выбрит и выглядит куда опрятнее, чем в суде. Но все-таки что-то изменилось. Быть может, его взгляд? Смущенный, виноватый, он скользил где-то по полу, не

решаясь подняться вверх. Аркадий не смотрел ей в глаза. Зато с охотой подхватывал любую, даже самую никчемную реплику тещи о погоде, ценах на продукты. Заинтересовался даже гастрольями в оперном театре, хотя никогда не любил оперу – просто потому, что не понимал в ней ровным счетом ничего. Он спрашивал о чем-то Машу и Петю, и те бодро рапортовали ему о своих успехах.

Каким-то непостижимым образом дети поняли, что им не стоит затрагивать тему внезапного исчезновения отца и более чем странного поведения матери в последние дни. Они касались лишь безопасных предметов: своей учебы, подготовки к экзаменам, школьной олимпиады – и родители были им благодарны за это. Хотя прекрасно понимали, что замалчивание ситуации не решает проблемы. Наступит время, когда им придется сообщить правду. Или, может, не настанет?

– Какова была тема твоего доклада? – спрашивала профессор Андриевская, деловито разрезая телятину.

Аркадий бойко отвечал. Говорил про состав участников, об общих знакомых, про красоты Казани, а Виктория смотрела на выражение его лица, удивляясь тому, как складно муж лжет. Ни единый мускул не вздрагивал на его лице, когда он с притворным негодованием рассказывал о просчетах организаторов, о досадных накладках в графике встреч. Даже припомнил какую-то забавную историю из прошлой поездки в Казань, выдав ее теще за совершенно новую байку, и та со смехом выслушала его.

В общем, мать была довольна тем, что неожиданно оказалась в семейном кругу своей дочери, где все считали за счастье поговорить именно с ней. Виктория, правда, слишком задумчива, но это обстоятельство мать списала на обычную усталость. Зато дети вели себя выше всяких похвал. Послушные, вышколенные, они сидели за столом, не влезая в разговор взрослых, отвечая лишь на поставленные им вопросы. Аркадий подавал ей то соусник, то салфетку и даже приглашал ее остаться на ночь, чего раньше за ним не замечалось.

Когда часы пробили восемь, профессор Андриевская нехотя начала собираться домой. На ее взгляд, семейный вечер удался как нельзя лучше...

За гостьей захлопнулась дверь, дети разбежались по своим комнатам готовиться ко сну. Аркадий и Виктория остались наедине. Вначале они тщательно перемыли всю посуду, словно для них не было занятия важнее, чем навести чистоту на сверкающей, как стеклышко, кухне. Виктория драила плиту, в то время как ее супруг протирал до зеркального блеска пол. Они перебрасывались незначительными фразами о погоде, текущих делах, и этот вечер был бы похож на тысячу других вечеров в семье Соболевых, если бы не тягостное молчание, наступившее в те минуты, когда повод для разговора вдруг исчерпывался. Казалось, оба страшились наступающей тишины, потому что старательно находили новую тему для разговора.

– Представляешь, Буслаева уходит в декрет, – сообщала вдруг Виктория. – Ты знаешь ее. Такая маленькая, черноволосая, с кафедры общетеоретических дисциплин.

– Да ты что! – восклицал Аркадий, словно ему было не все равно, что случилось с Буслаевой, хотя по большому счету он даже не помнил, о ком идет речь. – Замечательно. И когда же состоится знаменательное событие?

Виктория вдруг вспомнила, что такой вопрос он не задавал даже ей, когда она была беременна Машей или Петей.

– Не знаю. Наверное, скоро. У нее уже живот на нос лезет.

– Вот как? Занимательно!

– Еще бы! Недаром, упоминая о женщине, носящей ребенка, говорят об интересном положении...

Говоря о состоянии своей неблизкой знакомой, они вдруг вспомнили о причинах беременности и обо всем, что с этим связано. Щекотливая тема слишком уж перекликалась с собы-

тиями их недавнего прошлого, что их смутило. Аркадий вдруг смешался и начал преувеличенно тщательно выжимать тряпку. Виктория тоже отвела взгляд.

Вскоре порядок на кухне был окончательно наведен. Тряпки, ведра убраны, и тишина, как липкая паутина, связала супругам языки.

– Пожалуй, пора ложиться спать, – нерешительно произнес Аркадий. – Завтра рано вставать.

– А тебе завтра нужно...

Виктория хотела спросить про очередной вызов к следователю, но в последний момент передумала. Она страшилась неприятного разговора. Впрочем, как и муж, и бессознательно пыталась оттянуть его начало.

– Что – нужно? – переспросил супруг.

– Наверняка нужно появиться в университете, – сказала Виктория, а он только кивнул головой.

– Да, прямо с утра отправлюсь в университет.

Это было нереально глупо – делать вид, будто ничего не произошло. Они – взрослые люди и должны понимать, что разговора не избежать. Уголовное дело не испарилось в одночасье, оно существует, и где-нибудь там, на другом конце города, в эту минуту следователь, чистя зубы перед сном, должно быть, прикидывает, какие действия ему предстоит провести завтра. Но им двоим удобнее было делать вид, что в их жизни ничего не происходит, что все остается на своих местах. Признание повлекло бы за собой ненужные откровения, следом – упреки, слезы, гневные высказывания и ужасную необходимость принимать какое-то решение. Какое? Расстаться? Остаться вместе и постараться все забыть?

Молчание решало все проблемы...

С тех пор так и повелось. Аркадий и Виктория как ни в чем не бывало ходили на работу, вечером возвращались домой. Накрывали на стол, вели хозяйство, воспитывали детей. Но между ними образовалась некоторая дистанция. Теперь уж Виктория не могла беззаботно спросить: «Что новенького?» или «Как прошел день?», боясь вдруг услышать: «Все хорошо. Был на очной ставке с потерпевшей». Да и Аркадий помалкивал, опасаясь случайной фразой вызвать у жены состояние, в которое она впадала теперь периодически: внезапно ее взгляд стекленел, она как-то разом съеживалась и замолкала на полуслове. О чем думала Виктория в такие минуты? Аркадий считал, что о нем и о том, что произошло. Чертова действительность не позволяла им забыть о несчастье.

Позвонила Дубровская:

– Виктория Павловна, телефон вашего супруга не отвечает.

– Он, наверное, на лекции.

– Хорошо. Тогда сообщите ему, что нас ждут в следственном управлении завтра в пятнадцать часов.

– Обязательно передам, – бормотала Виктория.

– Нас должны ознакомить с результатами экспертиз. Это не займет много времени.

Экспертиз? Каких еще экспертиз? Она не хотела слышать подробности...

В следующий раз, Дубровская вытащила ее в кафе для «серьезного разговора». Виктория была готова к самому худшему. «Его приговорят к высшей мере», – скажет адвокат, и Соболева упадет в обморок. Ах да, она же знает о том, что смертная казнь в стране уже не применяется. Значит, пожизненное заключение?

– Виктория Павловна, – серьезно заговорила адвокат, трубочкой помешивая сок в бокале, – мне нужна ваша помощь. Не знаю почему, но ваш супруг отказывается предоставить характеристики.

– Характеристики?!

– Да. Немаловажная деталь, как он характеризуется по месту работы и месту жительства. Нужно составить документы, заверить печатью, передать следователю.

– Заверить?!

– Да, заверить. Пустяк. Пусть на характеристике с места работы распишется кто-нибудь... к примеру, ректор. А на характеристике с места жительства парочка ваших добрых соседей. Текст составьте сами: мол, вежлив, здороваётся с соседями. С коллегами доброжелателен, отзывчив. В употреблении спиртных напитков замечен не был. Ну и вся тому подобная ерунда... Не понимаю, почему ваш супруг упрямится?

Адвокат действительно не понимала. А вот Виктория прекрасно знала почему.

– Вы хотите предать дело огласке? – довольно резко спросила она, сдвинув брови. – Это нам ни к чему.

– У меня и в мыслях не было! – опешила адвокат.

– Но характеристика выдается всегда по определенному месту требования. В прокуратуру, в суд, в иностранное консульство, наконец. Вы прикажете написать про следственное управление?

– Ну что вы, нет необходимости! Напишите просто: «Справка дана по месту требования». Поймите, если мы не представим характеристики, следователь сам направит запрос, где по угловому штампу и печати будет все понятно. Вы этого хотите?

Нет, этого она не хотела. Этого она боялась как огня.

– Ну, хорошо, я попробую, – кивнула Виктория нерешительно.

Интересно, будет ли этому конец?

Ректор встретил ее доброжелательно.

– Присаживайтесь, Виктория Павловна! Может, чайку?

– Нет, нет. Я забежала на минутку. Не хочу вас отрывать от дел.

Ей хотелось как можно быстрее покинуть кабинет, решив все свои дела, но ректор был настроен, видимо, на долгое общение.

– А вы меня и не отрываете, – улыбнулся он. – Вчера видел вас по телевизору. Замечательно говорили! Да и тема чудесная: «Семья – фундамент общества». Полностью согласен. Долгие годы брака, да еще совместные дети, горести и переживания, радости и победы цементируют брак. Вы согласны?

– Конечно, – закивала Виктория.

– Как там говорится? «В горе и болезни, в печали и радости...»

– Да, разумеется.

«Дался ему этот брак! – раздраженно думала она. – Я-то думала, что мою передачу смотрят лишь домашние курицы».

– А я вот что думаю... Не устроить ли нам в университете такой праздник – день чествования семьи. По-моему, актуально.

– Отличная идея.

– И я так считаю. И знаете что? Вы бы могли с Аркадием Александровичем в нем поучаствовать. Ну, не смущайтесь! Кому, как не вам, продемонстрировать студентам и преподавателям вечные ценности?

«О боже!» – охнула про себя Виктория. И вяло улыбнулась:

– Посмотрим... Но я пришла на минутку, с просьбой подписать бумагу.

– Что за бумагу?

– Вот...

Она протянула ректору лист и вжала голову в плечи, ожидая его реакции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.